

Не буди ведьму

Автор:

Татьяна Корсакова

Не буди ведьму

Татьяна Корсакова

Не буди ведьму #1

За ней охотились, загоняя, точно глупую дичь. Убийца уже дышал в спину, а от смерти отделяла лишь тонкая грань. И тогда Арина стала ведьмой. Она приняла колдовской дар только для того, чтобы выжить. Вот только никто не предупредил, насколько ей будет нелегко. Но переигрывать уже поздно – магические силы проснулись...

Татьяна Корсакова

Не буди ведьму

Моим родителям с любовью и благодарностью

© Корсакова Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Уже третьи сутки город тонул в тумане. До обеда – серая мгла, после – мелкий холодный дождь. И еще неизвестно, что противнее – первое или второе. Арина

выглянула в окно, поежилась. Она любила лето, но в этом году лето, похоже, не задалось. Во всяком случае, последнее время Арине начало казаться, что оно ушло безвозвратно, а цветущий в палисаднике куст жасмина – это так... отголосок и артефакт. Нет никакого лета, вместо него есть туман – густой, непроглядный, бередящий и без того беспокойную душу.

За спиной вдруг заскрежетало и защелкало, Арина испуганно вздрогнула и чертыхнулась. Часы с кукушкой, висящие в красном углу, как икона, по-стариковски хрипло и дребезжаще «прокуковали» семь раз. Значит, там, за покрытым мельчайшими капельками тумана стеклом, наступило полноценное утро.

Часы достались Арине в нагрузку к старому дому на окраине Дымного Лога, провинциального городка, который и городом-то можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. Дымный Лог состоял из притулившихся на взгорках и притаившихся в оврагах домишек. Благопристойные яблоневые и вишневые сады здесь мирно соседствовали с одичавшими, кое-где сливающимися в сплошные джунгли кустами сирени и жасмина. На холмах садов было больше. Они окружали крепкие и еще вполне презентабельные домики из красного кирпича, а кусты сирени затеняли и без того мрачные лощины, пряча от посторонних взглядов ветхие деревянные избушки с мутными окнами, покосившимися заборами и палисадниками.

Как-то так повелось, что Дымный Лог сами жители поделили на Верхний и Нижний. В Верхнем сосредоточилась вся политическая и культурная жизнь городка: мэрия, универмаг, кинотеатр, финансово-экономический колледж, одна из двух школ, салон красоты. Там, посреди мощенной красным камнем площади, вздымался на задние лапы бронзовый медведь, символ Дымного Лога. Почему именно медведь, Арина так и не поняла. Соседка баба Глаша, которой, по неподтвержденным данным, в следующем году должно было исполниться девяносто лет и которая считала себя хранительницей культурного наследия города, слыхом не слыхивала о том, что в округе хоть когда-то, хоть в стародавние времена, водились медведи. Зато слыхивала про промышленника Медведева, владевшего в дореволюционное время всем имевшимся в округе производством. Но какое отношение к этому факту имела статуя бронзового медведя, даже баба Глаша объяснить не бралась.

Там же, на площади, между мэрией и банком, словно прячась от посторонних глаз под сенью старых лип, притаился двухэтажный особняк с колоннами, по

сведениям, полученным из того же компетентного источника, некогда принадлежавший все тому же промышленнику Медведеву. С тех времен утекло много воды, в особняке поочередно организовывали то клуб, то почту, то городской архив. Пережив не одно поколение, ветшая из года в год, старый дом умирал и умер бы окончательно, если бы в один прекрасный момент на него не обратила свой пристальный взор Евгения Станиславовна Кравцова, жена городского головы и первая леди города. Одного лишь заинтересованного взгляда хватило, чтобы у медведевского особняка появились вторая жизнь и новая хозяйка.

Реставрационные работы шли около полугода, а потом горожанам был явлен «Салон». Так скромно и без затей Евгения Станиславовна окрестила свое детище, которое оказалось отнюдь не косметическим, как думалось многим, а литературным салоном. Вот такие чудеса! Вот такая блажь первой леди города! А все потому, что Евгения Станиславовна получила образование самое что ни на есть интеллигентное – филологическое, а душу имела тонкую и трепетную, тянущуюся к прекрасному и готовую щедро делиться прекрасным с окружающими. А еще первая леди города была самой настоящей писательницей. Одно из крупнейших столичных издательств выпустило три ее книги и собиралось напечатать четвертую. Рекламой будущей новинки был заполнен весь Дымный Лог. Книга и высокохудожественный портрет писательницы красовались на единственном на весь город билборде, их же каждые три часа показывали по недавно открытому кабельному каналу. В рекламе роман скромно именовался бестселлером, а его автор – звездой отечественного детектива. Злые языки шептались, что издание книг, всех трех, проплачено из городской казны мэром Кравцовым и что детективы за первую леди пишет команда студентов литературного института, но даже злопыхатели признавали их читабельными и «вполне себе нормальными для бабской писанины».

Впрочем, что бы там ни говорили о литературном таланте Евгении Станиславовны, а коммерческий дар за ней признавал почти каждый. Ее «Салон» лишь первые пару месяцев считался блажью бесящейся с жиру дамочки, но время показало, что даже такая бесперспективная в коммерческом плане вещь, как культура, может приносить дивиденды.

На первом этаже «Салона» Евгения Станиславовна устроила литературное кафе, в котором не чуждые прекрасному горожане могли совместить приятное с полезным: за чашечкой кофе полистать томик Блока, освежить в памяти

«Мастера и Маргариту» или, при недостаточно развитом вкусе, ограничиться чем-нибудь из мейнстрима. Книги в творческом, тщательно продуманном беспорядке лежали прямо на открытых полках, а особо ценные экземпляры хранились за стеклом в антикварном дубовом шкафу, доступ к которому имели лишь постоянные посетители. Господам же, которые собственное время ценили превыше всего, предлагалась стойка со свежей прессой. Пресса в литкафе и в самом деле была наисвежайшей, ее каждое утро доставляли из областного центра сначала в «Салон», а уж только потом – в газетные киоски и на почту. А для самых молодых и нетерпеливых имелось несколько компьютерных столиков со скоростным вай-фаем. Почему-то только здесь Интернет был быстрый и бесперебойный. Наверное, поэтому компьютерные столики почти никогда не пустовали.

Кухня в литкафе тоже была отличная. Не сказать, что слишком бюджетная, но вполне доступная и банковским клеркам, и сотрудникам мэрии, и кое-кому из студентов финансово-экономического колледжа. В летнее же время основными посетителями кафе становились отдыхающие из Веснянки, ближайшего к Дымному Логу дачного поселка. Веснянка своими размерами уже не уступала городу, а презентабельностью и размахом превосходила в разы. Здесь, на живописном речном берегу, уже лет десять как обосновались залетные господа из области. Некоторые из них жили в поселке почти круглогодично и регулярно вносили свою скромную лепту в развитие Дымного Лога в общем и «Салона» в частности.

Помимо кафе, на первом этаже особняка с колоннами располагалась галерея, в которой регулярно что-то выставлялось: то работы городских художников, то экзотические цветы скучающих дачниц, то частные коллекции их вечно занятых мужей, то предметы народного промысла, добытые у бабушек из Нижнего Лога. Однажды из области привозили экспозицию старинных икон, и две недели в галерее дежурил самый настоящий охранник с пистолетом, наручниками и рацией. Но чаще всего здесь случались литературные чтения для узкого круга избранных с шампанским и бутербродами с красной икрой, с интеллигентными спорами о судьбах отечественной литературы и с декламацией собственных произведений. Считалось, что Евгения Станиславовна имеет неограниченное влияние на супруга, поэтому попасть в литературный клуб стремились многие, начиная с городских чиновников и заканчивая бизнесменами мелкой и средней руки. Евгения Станиславовна и тут не растерялась: неофитов принимали в клуб не только по рекомендациям, но и после внесения в клубную казну весьма приличных по местным меркам членских взносов. Библиофилы не скупились, и «Салон» процветал едва ли не с первого дня своего существования.

Весь второй этаж занимал рабочий офис хозяйки. Здесь же, в огромном, декорированном в сдержанной английской манере кабинете, за внушительным столом красного дерева, она творила. Каждый будний день с десяти утра до трех дня. Ровно в три ей подавали кофе со сливками и фирменными шоколадными круассанами, и рабочий день звезды российского детектива на этом обычно заканчивался.

Все эти тонкости бизнеса и быта первой леди Арина знала, как никто другой, потому что вот уже почти год являлась управляющей «Салоном». Ее рабочее время, в отличие от Евгении Станиславовны, начиналось в половине восьмого утра и заканчивалось в пять вечера, а в особые дни открытия выставок и презентаций – так и вовсе ближе к полуночи. Арина не роптала, сверхурочные оплачивались по двойному тарифу, на премии и надбавки хозяйка не скупилась, и в итоге выходила весьма приличная по городским меркам зарплата. Зарплаты этой хватило на то, чтобы купить подержанный скутер, на котором девушка частенько ездила на работу, и, наверное, хватило бы на то, чтобы снять приличное жилье в Верхнем Логе, возможно, даже в новенькой кирпичной пятиэтажке, но с переездом Арина все медлила. В тишине и обособленности Нижнего Лога была своя прелесть. Да и соседки ей достались хорошие: хоть древняя, но еще ого какая активная баба Глаша, хоть подружка Ирка. Ради такого соседства можно было перетерпеть и бытовую неустроенность: полетному теплые батареи зимой, перебои с электричеством, полудохлый Интернет и ненавистные часы с кукушкой, наследие хозяйки старого, давно предназначенного под снос домика.

Про то, что весь частный сектор в Нижнем Логе вот-вот пойдет под снос, говорили уже последние лет пятнадцать. Старые хибары снесут, а жильцам-долготерпцам дадут квартиры в верхнеложских новостройках. Соседская наивность и вера в светлое будущее Арину иногда умиляли, но чаще злили до зубовного скрежета. Даже ее не слишком богатого жизненного опыта хватало, чтобы понять: в таких городках, как Дымный Лог, перемены не случаются не десятилетиями даже, а столетиями. И ждать, что вот-вот наступит светлое будущее, по меньшей мере глупо.

Думая о перспективах обитателей Нижнего Лога, Арина продолжала с тоской смотреть в затянутое серой пеленой окно. Вот такими туманными и унылыми днями ей особенно сильно хотелось наплевать на покой и уединенность и снять квартиру в новостройке.

За окном промелькнула тень, а потом к мокрому стеклу прижались чьи-то ладони. Арина ойкнула от неожиданности, отшатнулась.

– Ау! Есть кто живой?! – слышался с той стороны замогильный глас. – Это я – туманная чучундра! Пришла по ваши души!

От сердца отлегло, и дыхание из испуганно-сбивчивого сделалось ровным.

– Уже иду! – крикнула Арина, сдергивая со спинки стула свою сумку.

Туманная чучундра, в миру Ирка Лебедева, в нетерпении пританцовывала на крылечке. Под ее ногами сорок первого размера старые доски угрожающе поскрипывали.

– Видишь, гадость какая?! – не здороваясь, сказала Ирка и кивнула куда-то в сторону, где в тумане была едва различима калитка. – Как в Лондоне.

Подруга притопнула ногой и поплотнее запахла на пышной груди вязаную кофту.

– Пожалуй, у нас покруче будет, – не согласилась Арина, запирая дверь. – Это всегда так? – Через плечо она оглянулась на подругу.

– Туманы? – переспросила та. – Ну, бывает, конечно, но чтобы вот так... от рассвета до заката, не припомню.

Укутанный туманом, словно целлофаном, спрятанный от человеческих глаз, Нижний Лог казался зачарованным царством, передвигаться по которому приходилось едва ли не на ощупь. Оставалось радоваться, что скутер остался дома, а на их улочке нет оживленного автомобильного движения. А то и до беды недалеко при такой-то видимости. Вот и Ирка идет в метре, а слышен только голос:

– У меня сегодня ночное дежурство на «Скорой», так что в магазин для бабы Глаши ты сама сходи. Лады?

Это была их неписанная обязанность – ходить в магазин для бабы Глаши. Вообще-то ей полагалась помощница из собеса, но в собесе с сотрудниками было туго, и вместо помощницы бабе Глаше достались пионеры. Водились в Дымном Логе и такие. Пионеры, не в меру шумные, не в меру энергичные, в горячем желании «осчастливить бабушку» зашли слишком далеко: в огороде вместе с сорняками выпололи всю картошку, хлеба купили на месяц вперед и уже намеревались «навести в доме чистоту», когда пришедшая наконец в себя баба Глаша прогнала их прочь. С тех самых пор от помощи она отказывалась, с домом и огородом кое-как управлялась сама, а Ирке и Арине, ближайшим соседкам, доверяла лишь поход в магазин.

– Как обычно? – спросила Арина скорее для проформы, потому что баба Глаша своим привычкам никогда не изменяла.

– Карамелек купи граммов двести-триста. Я смотрела, они у нее уже почти закончились.

Карамельки – любимое бабы-Глашино лакомство, они покупали по собственной инициативе за собственные деньги. От любых других гостинцев старушка отказывалась, потому как «пенсию получает и может себе позволить что хошь». Может, но не хочет.

В Верхний Лог из Нижнего можно было попасть двумя путями: прямым – коротким и окружным – длинным. По длинному пути, старой ухабистой дороге, обычно ездили машины. А короткий, узкую, круто взбирающуюся вверх тропинку, использовали пешеходы. Если Арина добиралась до работы на скутере, то пользовалась дорогой, а когда шла пешком, как сегодня с Ирккой, – выбирала тропинку, убегающую прямо в буйные заросли сирени, жасмина и еще какой-то неопознанной растительности. Здесь же, у самого основания холма, у истока тропинки, в зарослях вездесущей сирени едва различимым призраком стоял дом, который в Нижнем Логе знали все от мала до велика. О доме этом, как и о его хозяине, говорили всегда шепотом, а часть тропинки у покосившейся калитки пройти старались быстро, не оглядываясь.

В старом доме жил Сказочник. Говорили, что он даже старше бабы Глаши, что живет у подножия холма с незапамятных времен, что данных о нем нет ни в одной городской конторе, даже в собесе, что Сказочником никто не интересуется, потому что он не хочет, чтобы им интересовались.

– Отвел глаза, окаянный, – говорила баба Глаша со злостью и каким-то непонятым Арине чувством. – Он такой... как захочет, так и будет.

– Что захочет? – хором спрашивали Ирка с Ариной.

– А все! Хоть дурное, хоть доброе. Ему без разницы.

– От плохого до хорошего? – всякий раз уточняла Арина.

Баба Глаша глядела на нее долгим взглядом, подслеповато щурясь и раздумчиво качая головой, а потом отвечала:

– Ведьмак он. Ведьмин сын, по-нашему. Ясно тебе, девка?

Про ведьмаков Арина читала только в книжках, а в глаза ни одного не видела. Ей было любопытно, но совсем не ясно.

– А за домом его сразу старое кладбище, – вздыхала баба Глаша. – Сейчас там уже и не хоронят никого, а раньше – так, считай, каждый день. И он, ведьмин сын, там у самого кладбища и живет, потому что мертвые ему милее живых. Все, девки! – Она сердито замахивалась на них с Иркой полотенцем, словно они были назойливыми мухами, и добавляла веско: – Сказочника обходите стороной. И дом его проклятуций тоже обходите. Целее будете.

Они и обходили. Мимо старого дома пробегали не оглядываясь и ни разу – вот совсем никогда! – не видели его хозяина, лишь слышали пару раз из-за забора грозное и неприветливое рычание. Сказочник жил не один, его покой охранял огромный черный пес. У пса была свалявшаяся шерсть, лобастая – ну точно волчья! – башка и тяжелый взгляд исподлобья, совсем не собачий, почти человеческий. Пса этого Ирка боялась едва ли не больше, чем его хозяина, ведьмино сына, говорила, что он «вот сто процентов бешеный!» и что если цапнет, то придется колоть уколы в живот. Ирка работала анестезиологом в городской больнице, подрабатывала на «Скорой» и в уколах разбиралась, поэтому у Арины не было оснований ей не верить.

Туман, казалось, сгущался. Или просто здесь, в низине, он был особенно концентрированным, только Арина вдруг пожалела, что они не пошли длинной

дорогой. Ну и что, что дальше в два раза! Зато просторнее и не так жутко. Она уже было открыла рот, чтобы предложить подруге вернуться, как из тумана, откуда-то из кустов сирени, раздался не то вздох, не то всхлип.

– Ой! – сказала Ирка, застыв как вкопанная и схватив Арину за рукав кардигана. – Ой, кто там?

– Сейчас посмотрим. – Ей не хотелось смотреть, не хотелось продираться сквозь туман и мокрые кусты, но вдруг там человек и ему нужна помощь!

– Я с тобой! – Ирка решительно, хоть и с явной неохотой, двинулась следом. В руке ее Арина успела разглядеть складной зонтик, который подруга сжимала как дубинку. – Не лезь без меня, Аринка! Да обожди ты!

Она не ошиблась в своих предположениях. Ну, почти не ошиблась. Тому, кто лежал в высокой, с самой весны не кошенной траве, на самом деле была нужна помощь. Вот только это был не человек...

Черный, с белыми подпалинами пес устало открыл один глаз, посмотрел на них равнодушно-отрешенным взглядом, тихо рыкнул и снова уронил лобастую волчью голову на лапы. Его тощие бока раздувались, как кузнечные мехи, а из-под брюха на примятую траву вытекала густая, почти черная кровь.

– Это же его псина. – Ирка замерла на почтительном расстоянии, опасаясь подойти ближе. – Аринка, не лезь к нему, еще цапнет.

Пес равнодушно дернул ухом и вздохнул совсем по-человечески. Арина присела перед ним на корточки.

– Что с тобой случилось? – спросила шепотом.

– Сбили его, – сообщила Ирка. – Мотоциклом, наверное. На машине тут не проедешь. Пойдем, мы ему все равно не поможем. Вон брюхо как разворочено. По-любому подохнет. Пойдем!

– Как это пойдем? – Арина снизу вверх посмотрела на подругу. – А вдруг он поможет? Это же его собака, и баба Глаша говорила, что он что хочешь может

сделать.

– Вот именно – что хочешь! Превратит нас с тобой в жаб – вот будет веселье!

Арина вздохнула, осторожно погладила пса по свалявшейся, влажной от тумана шерсти, сказала:

– Мы отнесем тебя к хозяину. Хорошо?

Пес ничего не ответил, но и за руку не тяпнул, наблюдал за Ариной одновременно сторожко и обреченно. Наверное, готовился умирать...

– Эй, ты что удумала? – шепотом спросила Ирка. – Ты его к Сказочнику тащить хочешь, что ли? Я тебе в этом деле не помощник, так и знай! Я крещеная, православная и вообще... я ни ведьмаков, ни собак не люблю.

Тащить... Арина выпрямилась, сдернула с плеч кардиган, длинный, плотной вязки, еще совсем новый. Арине было его жалко, но пса ей было жалко еще больше, а на руках ей его долго не пронести.

– С ума сошла, – прокомментировала ее действия подруга. – Ненормальная!

Арина расстелила перед псом кардиган, сказала ласково:

– Давай ты сам, а я помогу.

Он ее понял – по глазам было видно. Понял, но сделать ничего не смог.

– Да погоди ты, – слышался за спиной сердитый голос Ирки. – Давай вдвоем, ты за перед, я за зад. Только если он меня укусит и я заражусь бешенством, я потом тебя специально покусая! Будем вместе уколы колоть.

Вдвоем они кое-как переложили пса на кардиган, который тут же пропитался кровью.

– Все, хрен отстираешь, – сказала Ирка и тут же добавила: – До Сказочникова дома донесем и возле калитки оставим. Ясно? Во двор к нему я не пойду ни за какие коврижки, даже если он мне жениха пообещает красивого и богатого.

Калитка оказалась не заперта, наоборот – гостеприимно распахнута.

– Оставляем тут и идем на работу! – Ирка смахнула выступившую на лбу испарину. – Тяжеленный, зараза! Даром что тощий.

– Давай постучим. – Не дожидаясь возражений, Арина несколько раз ляпнула калиткой.

– Сдурела! – зашипела на нее Ирка. – Совсем свихнулась?

Они подождали минуту, потом еще раз постучали и снова подождали. Ответом им была тишина.

– Может, его нет дома? – предположила Ирка не слишком уверенно. – Ушел по делам, в магазин там или за пенсией...

– Он дома. – Арина не знала, откуда взялось это свербящее чувство, что Сказочник никуда не ушел. И знать не хотела, если честно.

Пес больше не закрывал глаз, лежал на пропитанном кровью кардигане, смотрел внимательно.

– Арин, ну не могу я! – взмолилась Ирка. – Боюсь я его. Понимаешь?

– Я сама. Тут ведь близко совсем, только двор пройти. Я донесу, а ты меня здесь подожди. Только не уходи. Хорошо?

Она чувствовала страх – иррациональный, подкрепленный лишь глупыми рассказами, но от этого он не становился слабее.

– Я подожду. – Ирка порылась в сумке, едва не выронила зонт, достала мобильный. – Если что, я в полицию и в МЧС... и ребятам на «Скорую». Вот! – выдохнула она и замолчала, глядя на Арину так, словно виделись они в

последний раз.

– Не надо никому звонить, – улынулась Арина и как могла бережно подняла пса.

Он застонал, снова почти как человек, прикрыл глаза. Длинные лапы его едва не волочились по земле, когда Арина, сгибаясь под немалым весом, решительно ступила на чужую, запретную территорию.

Двор был неухоженный, поросший высокой травой, сквозь которую к прогнившему крыльцу вела узкая тропинка. Арина покрепче прижала пса к себе. Он был тяжелый, едва ли не тяжелее ее самой, от него пахло мокрой шерстью и кровью. Теперь конец пришел не только кардигану, но, кажется, и блузке с брюками. Об этом Арина подумала отстраненно, как о чем-то малозначимом. Сейчас главным для нее было дотащить пса до дома, сдать с рук на руки хозяину. Если хоть десятая часть того, что о нем рассказывают, правда, то питомцу своему он как-нибудь поможет.

Доски крыльца громко скрипнули под ее удвоившимся весом. Стучать, слава богу, не пришлось: дверь была широко распахнута, словно их уже ждали.

– Эй... – сказала Арина севшим вдруг до хриплого шепота голосом. – Эй, есть тут кто?

В крошечных сенях было темно, хоть глаз выколи. Темнота эта нервировала еще сильнее, чем туман, поэтому, не дожидаясь ни ответа, ни приглашения, Арина бедром толкнула вторую, прикрытую, дверь и шагнула в комнату.

Здесь тоже царила темнота, но не крошечная, а скупой разведенный просачивающимся в окно мутным светом. Арина вздохнула, бережно положила пса на самотканый коврик, огляделась.

Никого! Круглый стол посреди комнаты, на нем – какие-то книги, оплывшая свеча в железном подсвечнике, глиняный кувшин с надтреснутым горлышком. Справа у стены – книжный шкаф, на его полках за давным-давно не мытыми стеклами – аккуратными рядами склянки, пузырьки, банки с сухой травой и еще чем-то непонятным, похожим на лоскуты грязно-серой ткани, снова книги в потертых, явно очень старых переплетах, какие-то ящички, шкатулочки... У окна, спинкой к двери – большое кресло. Прямая, как у стула, спинка, разлапистые

подлокотники. Неудобное.

– ...Пришла, значит. – От звука голоса – сильного, совсем не стариковского – Арина едва не вскрикнула.

Кресло, казавшееся монолитным и незыблемым, медленно повернулось вокруг своей оси. «Избушка-избушка, стань к лесу задом, ко мне передом...» – мелькнуло в голове. За спиной тихо рыкнул пес, Арине показалось – радостно.

– Ну-ка, подойди ближе!

В голосе не слышалось просьбы – был приказ, которому попробуй не подчинись. Арина сделала шаг, изо всех сил напрягая зрение, чтобы разглядеть того, кто сидел в кресле.

Он был похож на своего пса. Такой же древний, рослый, болезненно худой, с торчащими из-под манжет рубахи тонкими запястьями, с длинными, узловатыми пальцами, с кадыкастой шеей и совершенно лысой головой. На лице его так же, как и на голове, не было никакой растительности: ни бороды, ни усов, ни даже бровей и ресниц. Наверное, из-за этого Арине на мгновение почудилось, что перед ней не человек и даже не ведьмак, а инопланетянин с желтой, пергаментно-хрупкой кожей и внимательными черными глазами. Глаза смотрели на нее со смесью раздражения и интереса, а безгубый рот кривился в подобии улыбки.

– Здравствуйте, – сказала Арина, прислушиваясь к своему до неузнаваемости изменившемуся вдруг голосу.

– Да какое уж тут здравие! – Узкая кисть приподнялась над подлокотником кресла и тут же упала обратно, как полудохлая летучая мышь. – Ни у меня, ни у него, – старик скосил взгляд на лежащего у порога пса, – здоровья уже нет.

– Его ранили. Наверное, сбили мотоциклом. Я его на улице нашла...

– Нашла – и что? – Теперь черные глаза смотрели прямо на нее. – Зачем пришла?

– Он же ваш... – Арина не знала, что ответить этому странному, похожему на инопланетянина человеку. Там, на улице, все казалось понятным и правильным. Пса нужно вернуть хозяину, чтобы тот его спас, поставил на ноги каким-нибудь ведьмовским зельем. – Вы ведь можете ему помочь, – добавила она не слишком уверенно.

Арина не сразу поняла, что этот хриплый, каркающий звук – смех. Старик смеялся, и голова его болталась на тонкой шее из стороны в сторону.

– Девочка, я и себе-то не могу помочь, – сказал он, отсмеявшись, – не то что Блэку.

Услышав свое имя, пес приподнял голову. В его взгляде, устремленном на хозяина, читалось обожание.

– Тогда, может, я? – Ей бы извиниться и уйти из этого темного, пропахшего пылью, свечами и травами дома, оставить этих двоих, пса и человека, в покое, но она не могла. Это было бы неправильно, не по-людски.

– Что – ты? – спросил старик, подавшись вперед. Его узкие ноздри затрепетали, словно к чему-то принюхиваясь. – В тебе нет ничего, кроме глупой жалости. Что ты можешь?

Что она могла? Хороший, пусть и уничтожающе презрительный вопрос.

– Я отвезу Блэка к ветеринару.

– Зачем? Чтобы последние дни он доживал в клетке, среди чужих людей?

– Значит, я привезу ветеринара сюда, к вам.

– А ты упрямая, – сказал старик не то одобрительно, не то осуждающе. Пальцы на подлокотнике слабо шевельнулись, черные глаза скрылись за тяжелыми, лишенными ресниц веками. – Упрямая и смелая. Со мной давно уже никто так не разговаривал. Не надо врача, сама все сделаешь.

– Я?! – Она оглянулась на внимательно прислушивающегося к их разговору пса. – Я не умею.

– Научишься, – отрезал старик. – Раз такая жалостливая, – добавил все с той же усмешкой. – В шкафу, на верхней полке, пузырек, третий слева, с притертой пробкой. Достань!

Арина подошла к шкафу, отыскивала пузырек, на две трети заполненный какой-то бурой мазью.

– В сенях – вода и ветошь. Сначала промой ему раны.

– Простой водой?

– Взятась помогать – слушайся!

По ногам вдруг потянуло холодом, хотя и окно, и дверь были закрыты. Старик снова скривил губы в усмешке. Доброты в ней не было ни капли.

В темных сенях Арина возилась долго, пока наконец не нашла наполовину наполненное водой ведро и ветхую, непонятного происхождения тряпицу. Подойдя к двери, она замерла, превратившись в слух. Старик с кем-то разговаривал: коротко, отрывисто, так же раздраженно, как до этого с ней.

– Она не годится. А я говорю – не осилит...

Эта странная фраза, казалось, все еще висела в пыльном воздухе, когда Арина с ведром воды переступила порог. В комнате, кроме старика и пса, никого не было. Значит, разговаривает сам с собой. Или со своим псом. Лучше бы уж с псом...

– Обмой рану. Да не бойся, Блэк терпеливый, не тронет.

Блэк и в самом деле был терпеливый, он позволил Арине промыть рану, лишь пару раз тихо рыкнув сквозь стиснутые зубы. Зубы у него были желтые, крупные, как у волка. Когда он скалился, обнажались черные десны. У злой собаки десны непременно черные, так говорила бабушка, выбирая щенка из

помета: самого злого, самого смелого, самого сообразительного – охранника и защитника...

– Теперь смажь рану мазью. Перевязывать не надо.

Наверное, это была очень жгучая мазь, потому что, когда Арина коснулась раны, Блэк вскинулся, защелкнул на ее запястье мощные челюсти, не больно, но сильно – предупреждая.

– Блэк, – шикнул старик, и челюсти тут же разжались.

Арина перевела дух, быстро смазала рану.

– Все? – спросила, выпрямляясь. – Теперь с ним все будет в порядке?

– Не знаю. – Старик пожал плечами. Было видно, что даже такое незначительное движение стоит ему немалых усилий. – Но ты сделала для него все, что могла. Он этого не забудет.

– А вы? – спросила она, наверное, слишком дерзко, потому что в черных глазах словно полыхнула молния, а по ногам снова потянуло несуществующим сквозняком.

– И я, – сказал он просто. – Все, что мог. Ты сказок наслушалась, девочка. Глупых людских сказок со счастливым концом.

– А в них все неправда? – Ну что ей было делать со своим любопытством! С этим свербящим, не поддающимся контролю чувством, из-за которого Арина однажды едва не поплатилась жизнью.

– Многое. Я же говорю – сказки. – Жилистые кисти соскользнули с подлокотника на укрытые ветхим пледом колени, погладили что-то длинное, деревянное, сужающееся на концах – какую-то скалку. – А хочешь, я скажу тебе, что правда?

Она хотела сказать «нет», но сказала «да». Старик понимающе улыбнулся, словно другого ответа и не ожидал.

– За тобой охотятся. Есть такая сказка про девочку и волка. Она шла к больной бабушке, несла в корзинке пирожки. Ты – эта девочка, маленькая и глупая. Только вот в корзинке у тебя не пирожки.

Арина чуть было не спросила, что же у нее в корзинке, но поперхнулась так и не произнесенными вслух словами. Он рассказывает про Красную Шапочку, этот странный старик. Про доверчивую девочку, за которой охотится Серый Волк...

Оскаленная пасть, карикатурно большие, но от этого особенно страшные клыки, взгляд с прищуром, чуть недоумевающий, раздосадованный. Она запомнила этот наполовину волчий, наполовину человеческий взгляд. Он преследовал ее едва ли не каждую ночь...

Неужели?!

Больше года прошло. Она сделала все, чтобы ее не нашли. Всей своей прежней жизнью пожертвовала...

– Волк уже взял след. – Старик сидел, полуприкрыв глаза, и было непонятно, куда он смотрит и смотрит ли вообще куда-нибудь. – Матерый волк, молодой, опасный. Щелк зубами – и нет глупой девочки...

– Это неправда! – Язык вдруг перестал слушаться, и слова получались тяжелыми, неуклюжими.

– Я всего лишь рассказываю сказку, начало которой ты и сама прекрасно знаешь. Осталось лишь выяснить, каким будет финал. – Он замолчал веско и многозначительно, давая понять, что разговор окончен. Пора уходить. Ирка, наверное, вся извелась...

Арина повернулась спиной к старику, погладила на прощание дремлющего Блэка, взялась за дверную ручку, но, прежде чем покинуть этот негостеприимный дом, обернулась. Кресло уже стояло спинкой к двери, так, что она могла видеть лишь острые локти на протертых подлокотниках.

– Та сказка все равно хорошо закончилась, – сказала Арина зло и упрямо. – Красную Шапочку спасли!

– Добрые охотники. Я знаю, – слышалось из недр кресла. – Только вот никто не задавался вопросом, чем ей пришлось пожертвовать, чтобы вернуть себе жизнь.

– Ничем!

– Так не бывает. Всегда приходится чем-то жертвовать. Чем больше одолжение, тем серьезнее жертва. Ты пока этого не понимаешь, но скоро поймешь, Красная Шапочка.

– Меня зовут Арина!

– ...И когда ты будешь готова принести жертву, ты придешь ко мне. Если успеешь... если я тебя дождусь...

– Прощайте! – Она не хотела слушать весь этот бред. Возможно, из-за того, что часть бреда была очень похожа на правду, на неприглядную и пугающую правду, избавиться от которой Арина так до сих пор и не смогла. Не смогла забыть, как забывают страшный сон или злую, неправильную сказку.

– Она ушла без мук и сожалений, – слышалось ей вслед.

– Кто?.. – Сердце перестало биться в ожидании ответа.

– Ты знаешь кто.

Порыв ветра или сквозняк, которому просто неоткуда было взяться, с силой захлопнул за Ариной дверь, выставляя за порог, выгоняя.

Оказавшись снаружи, она не сразу смогла двигаться, постояла немного, прижавшись затылком к шершавой стене, переводя дух, как после многокилометровой пробежки.

Сказочник... Вот почему он сказочник. А она Красная Шапочка, и Серый Волк уже взял ее след.

На стекла очков мелким бисером оседал туман, Арина сдернула их, сунула в карман брюк. Кардиган так и остался в доме. Да и зачем он ей теперь?!

– Аринка?! – Калитка чуть слышно скрипнула. – Эй, Аринка, это ты там? – послышался громкий шепот Ирки.

Арина сделала глубокий вдох и побрела по тропинке, ничего не видя перед собой в тумане.

– Ну слава богу! – бросилась к ней Ирка, стоило лишь выйти за калитку. – Что так долго? Я чуть с ума не сошла, пока тебя ждала! Ты чего на звонки не отвечала? – Подруга говорила, а сама тем временем ощупывала ее плечи, руки, бока, словно она только что выбралась из-под ковровой бомбардировки и лишь чудом осталась жива. Впрочем, перепачканная кровью Блэка с ног до головы девушка и выглядела как выжившая после бомбардировки.

– Так чего на звонки не отвечала? – Ирка потрясла ее за плечи.

– Не слышала. – Арина достала мобильный. Никаких входящих звонков на нем не было.

Ирка заглянула ей через плечо, сказала шепотом:

– Чертовщина какая-то, я тебе пять раз звонила.

– Может, сеть не ловит?

– Это все он.

– Кто?

– Сказочник. Ты его видела?

– Видела.

– Ну, и какой он?

– Старый. – Арина осмотрела свою одежду. – Ир, мне нужно вернуться, переодеться. А ты иди, еще опоздаешь.

– Уже опоздала. – Та махнула рукой. – Лидии Степановне позвонила, попросила подстраховать. Слышь, подруга, – она внимательно всмотрелась в Аринино лицо, – с тобой точно все в порядке?

– В полном! Мне нужно спешить, я ведь тоже опаздываю. Ты иди, дальше я сама.

– Что там было-то? – Ирка мялась в нерешительности, в синих глазах ее горело жгучее любопытство.

– Завтра, Ир. Все завтра. Опаздываю я уже.

– Смотри, завтра я у тебя как штык. Только отосплюсь с дежурства – и к тебе. А ты про карамельки бабе Глаше не забудь. – Голос подруги вслед за ее крупной, статной фигурой медленно растворялся в тумане.

Обратно к своему дому Арина бежала бегом. Всю дорогу ей казалось, что за ней кто-то наблюдает из тумана.

Сказочник?

Серый Волк?

Она не знала и не хотела знать!

Когда Арина переступила порог, часы с кукушкой пробили без пятнадцати восемь. Утро в «Салоне» впервые за целый год началось без нее. Нужно звонить Милочке, официантке из кафе, пусть прикроет еще на полчаса.

На ходу сбрасывая окровавленную одежду и набирая номер Милочки, Арина открыла кран с горячей водой. Вода не спешила нагреваться, пришлось становиться под еще прохладные струи. Через десять минут она была полностью готова. Дело оставалось за малым.

Этот нож Арина купила год назад. Компактный, складной, с выстреливающим острым, как жало, лезвием. И тогда, и сейчас ей очень не хотелось пускать его в ход, но Серый Волк взял след, и выбора у нее не осталось...

Серый Волк

Домик был ветхий. Не домик, а так... избушка на курьих ножках. Дунь – она и рассыплется. Он не стал дуть, решил по старинке – отмычкой. Хозяйка ушла на работу, он знал это наверняка: сидя в кустах сирени, видел, как за ней зашла крупная, пышногрудая девица. Они о чем-то пошушукались, стоя на крыльце, а потом скрылись в тумане.

Пришло время действовать. Пришло его время. Берясь за дело, он никогда не полагался на слова заказчика, даже когда заказчик платил такой аванс. Он привык доверять лишь собственному опыту и собственному чутью. Волчьему чутью.

Заказ был серьезный, а работать нужно чисто и быстро. Впрочем, по-другому он не умел. За то его и ценили, за то и платили немалые деньги. Но прежде, чем выполнить свою часть сделки, требовалось убедиться, что игра идет честно, без подвоха. Именно поэтому он забрался в этот старый дом. Чтобы проверить.

Жилье было съемным, это чувствовалось во всем, для этого не нужно было обладать ни особой наблюдательностью, ни особым чутьем. Девчонка жила на осадном положении, готовая в любой момент броситься в бега. На полках в шкафу лишь необходимый минимум одежды, остальное – в дорожной сумке, сложено аккуратно и продуманно. Сумку он обыскал в первую очередь, но, как и ожидал, ничего интересного не нашел. Разве что кроме складного швейцарского ножа – дорогой и совершенно бесполезной игрушки.

Если девчонка не дура – а она точно не дура, коль на ее поиски ушло так много времени, – то в доме ничего ценного хранить точно не станет. Наверняка то, что нужно заказчику, она где-то спрятала. Может, даже не в этом размякшем от туманов и дождей городишке. Но проверить все равно нужно.

Там же, в дорожной сумке, нашлась пачка стодолларовых купюр. Он насчитал две с половиной тысячи. Негусто, поиздержалась деточка за месяцы мытарств и гонений. Или просто все остальное очень хорошо припрятала.

Вслед за сумкой он быстро, но методично обыскал весь дом, оставив на десерт старенький пошарпанный ноутбук. В ноутбуке могла быть информация, а информация по нынешним временам – это самое ценное.

Он уже взялся было за ноутбук, когда в затылке засвербело. Сигнал тревоги, тот самый хваленый инстинкт, позволявший ему годами оставаться лучшим в своем деле. За считанные секунды он успел многое: сунуть обратно в шкаф сумку, поставить на прежнее место ноутбук и спрятаться за тяжелую габардиновую штору. Безопаснее было бы под кровать, но под кроватью плохой обзор и мало пространства для маневров. Пистолет лег в ладонь привычной тяжестью. Неискоренимая привычка – быть готовым к любому повороту событий.

Громко хлопнула входная дверь. Вошедший вел себя не таясь, по-хозяйски. Послышались быстрые шаги, стукнули об пол сброшенные туфли. Он выглянул в щель между шторами. Девчонка вернулась! Всклопоченная, в окровавленной одежде. Он отчетливо видел красные пятна на белой блузе. Пистолет в руке стал чуть тяжелее. События развивались не по плану, и это заставляло напрячься и призадуматься. Если судить по кровопотере, рана должна быть приличной. Где у нее рана? Насколько глубокая? И главное – кто нашел ее раньше, чем он?

Однако от потери крови и болевого шока девчонка ни падать в обморок, ни уж тем более умирать не спешила, вела себя на удивление бодро для тяжело раненной, разговаривала по телефону с какой-то Милочкой, на ходу избавляясь от одежды: от брюк, блузки, перепачканного белья.

Он смотрел внимательно, не упуская ни одной детали, ни одной интонации, ни одного жеста, ощупывая взглядом встревоженное скуластое лицо, шею с нервно бьющейся жилкой, острые ключицы, острую грудь, плоский живот, стройные ноги с узкими лодыжками и по-детски маленькими ступнями. Ран не было! Ни ножевых, ни огнестрельных. Вывод напрашивался один-единственный: с ног до головы она перепачкалась не в своей, а в чужой крови. Вот и еще один повод для раздумий!

Девчонка скрылась за дверью ванной, и он перевел дух. Можно уйти сейчас, а можно дождаться, когда уйдет она. Она точно уйдет, он слышал, как девушка говорила невидимой Милочке, что будет через полчаса. Неосмотренный ноутбук склонил его ко второму варианту.

Кого же она прикончила? И ведь сделала все так грубо, непрофессионально! Вынужденная мера? Самозащита? Но от кого? Он тут такой один. Его одного ей стоит бояться.

Из ванной она вышла через пять минут, быстро, по-военному, переоделась в чистую одежду, старую небрежно, ногой, зашвырнула под кровать, сунула ноги в туфли, достала из шкафа сумку, постояла над ней секунду в раздумьях, а потом положила в карман тот самый складной нож, нацепила на нос стильные очки и из убийцы превратилась в училку. Еще несколько мгновений она невидящим взглядом смотрела в окно, а потом вздохнула и вышла из дома.

Прежде чем выбраться из укрытия, он подождал еще немного и, только убедившись, что девчонка уехала, встал на колени перед кроватью, пошарил в пыльной темноте. В ладонь лег прохладный атлас испачканной в крови блузки. Блузка тонко пахла духами, едко – кровью и едва уловимо – псиной. На белом атласе были видны черные с проседью ворсинки. Значит, эта мелкая, маскирующаяся под училку, убила не человека, а собаку. Не слишком стандартное хобби, надо признать!

В ноутбуке стоял пароль, совершенно немудреный, справиться с которым не составило труда. Внимательно, стараясь ничего не упустить, человек изучил содержимое диска. Все самое интересное и заслуживающее внимания перегнал на съемный жесткий диск, перед тем как уйти, еще раз обошел дом, проверяя, не упустил ли чего-нибудь важного.

Все, подготовительный этап закончен. Но лишь подготовительный этап. Интуиция подсказывала, что в этом конкретном случае легко не будет. За кажущейся простотой и обыденностью скрывается нечто большее. Охота, похоже, предстоит интересная...

* * *

На сей раз ей повезло, посетителей в кафе было совсем мало. Наверное, их распугал туман. Арина быстро пересекла уютный, подсвеченный лишь настольными лампами зал кафе, приветственно кивнула знакомому из мэрии, улыбнулась вихрастому пареньку, который при ее появлении на мгновение оторвался от экрана компьютера.

– Ну, как тут? – шепотом спросила у скучающей за стойкой Милочки.

Милочка поправила завитые кудри и ответила тоже шепотом:

– Все тихо. Скучотища.

Милочка перешла в кафе из спортбара месяц назад и после шумного, прокуренного, под завязку набитого горластыми подвыпившими мужиками бара все никак не могла привыкнуть к здешней почти библиотечной тишине. С действительностью ее мирили лишь приличная зарплата, щедрые чаевые и неугасающая надежда найти среди посетителей кафе приличного и обеспеченного кавалера.

– Сама, – Милочка воздела глаза к потолку, – в такую рань никогда не приезжает. Да и чего ей, когда погода вон какая мерзкая! – Официантка легла закутанной в пенное кружево грудью на стойку, заговорила еще тише: – Вот где справедливость, Арина? Нам, чтобы пахать от звонка до звонка, никакого такого вдохновения не нужно, а у нее все не слава богу. То погода не та, то настроение, то муза куда-то отлетела... Я тебе больше скажу: сколько я ей наверх кофе ни носила, ни разу не видела, чтобы она работала. Все время то пасьянсы раскладывает, то в Интернете торчит.

– У нее же свой сайт и свой блог. – Арина приколола к блузке бейдж. – Ей пиариться нужно, продвигать свои книги.

– Можно подумать, она мало пиарится! – фыркнула Милочка. – Афишами с ее физией весь Верхний Лог обклеен, книги ее продают на каждом углу, презентации всякие устраиваются.

– Так это у нас, – улыбнулась Арина. – У нас не те масштабы. Сейчас вся реклама по телевизору и в Интернете. Вот она и пиарится.

– А пишет когда? – не сдавалась Милочка. – И ведь неплохо пишет. – Голос ее смягчился. – Я последнюю книгу до ночи читала, даже всплакнула один раз. А может, это правда? – Она снова перешла на едва слышный шепот.

– Что?

– Что у нее негры.

– Кто?!

– Литературные негры за нее книги строчат. Я в газете читала, такое сейчас сплошь и рядом. Были бы деньги, а негры найдутся.

Милочка хотела еще что-то добавить, но не успела, входная дверь тихо скрипнула, впуская курьера с букетом роз.

– Евгении Станиславовне от поклонника! – звонким фальцетом объявил он на все кафе. За Ариной спиной многозначительно хмыкнула Милочка. Тайный воздыхатель, ежедневно присылающий хозяйке цветы, уже несколько месяцев давал тему для разговоров как сотрудникам «Салона», так и горожанам. Кто-то, чистый душой и помыслами, предполагал, что букетами Евгению Станиславовну одаривает родной супруг, мэр Дымного Лога. Кто-то, циничный и злой, грешил на богатого любовника из дачников. Лишь немногие подозревали, что ежеутренние цветы – это всего лишь часть не слишком удачного, но весьма эффектного самопиара. И только Арина знала это наверняка, потому что сама, собственной рукой, подписывала договор с цветочным салоном и курьерской компанией. Не муж-мэр, и не любовник-дачник, а она, управляющая «Салоном» и поверенная в делах его хозяйки.

– Давайте сюда!

Арина забрала букет, расписалась в квитанции, поставила цветы в хрустальную вазу, которую водрузила на изящный столик между окном и барной стойкой. Про себя Арина называла его «алтарным столиком», потому что функция у него была одна-единственная – славить талант Евгении Станиславовны. Столик был необычный, сделанный на заказ. Прозрачная стеклянная столешница опиралась на единственную ножку, представляющую собой стопку положенных одна на одну книг. Стопка эта лишь с виду казалась небрежной и хаотичной, но на самом деле и цвет, и размер обложек были тщательно подобраны дизайнером и являли собой в некотором роде произведение искусства. Книжная стопка была заключена в стеклянный короб, который одновременно защищал книги от пыли и придавал всей конструкции устойчивость. Каждое утро девочки-официантки замшевой тряпочкой полировали столешницу и короб, и при определенном освещении казалось, что столешница держится исключительно на хрупкой

колонне из книг.

На алтарном столике, помимо вазы с цветами, лежали еще несколько нетипичных для кафе предметов: внушительный, обтянутый кожей альбом с золотым тиснением и изящная перьевая ручка, прикрепленная тонкой цепочкой к массивной бронзовой чернильнице. В альбом, который персонал прозвал жалобной книгой, посетителям кафе предлагалось писать отзывы на прочитанные книги. Для этих же целей рядом со столиком стояло удобное кресло. Предполагалось, что отзывы будут писать на все имеющиеся в литкафе книги, но по факту рецензировались лишь произведения хозяйки.

Все те же клерки, чиновники и бизнесмены мелкой и средней руки упражнялись в красноречии и каллиграфии, на все лады воспевая «писательский гений восхитительной Евгении Станиславовны». Арине это казалось и смешным и грустным одновременно, этакой неуклюжей и не слишком изящной попыткой сравняться с богами. Но за порядком на алтарном столике и за записями в «жалобной книге» она следила очень внимательно, каждое утро проверяла, все ли хорошо, не полагаясь на официанток. Вот и сегодня Милочка забыла отполировать столешницу и стеклянную ножку: на их поверхности отчетливо выделялись отпечатки чьих-то пальцев.

Проследив за Ариным взглядом, Милочка снова многозначительно хмыкнула и потянулась за замшевой салфеткой.

– Останешься без премии, – напомнила Арина, поправляя цветы в вазе. – Ты же знаешь, как она над этим трясется.

– У богатых свои причуды. – Милочка вышла из-за стойки, принялась протирать столик. – Они там себе напридумывают затей, а нам тут корячься. Самодурство!

По последнему пункту Арина была с ней не согласна. У Евгении, конечно, имелись кое-какие пунктики и кое-какие жлобские замашки, но хозяйкой она была неплохой, а временами так и вовсе отличной. Особенно по отношению к ней, к Арине. И будет очень досадно, если придется сорваться с такого теплого места.

Девушка нащупала в кармане брюк нож и вздохнула. Если Сказочник прав, скоро ей предстоит принять очень важное и очень непростое решение: остаться в

Дымном Логе и продолжить пусть скучное, но зато относительно безопасное существование или снова броситься в бега, как год назад.

Опять же старик ведь может ошибаться. Сказочник! И все им рассказанное – сказки! Или не все?..

Думать об этом не хотелось, как не хотелось бояться, вздрагивать от каждого шороха, тревожно всматриваться в незнакомые лица, ожидая, что в любой момент они могут превратиться в оскаленные волчьи морды. Она смирилась со скучной жизнью простого обывателя. К такому легко привыкнуть. Рутинa затягивает не хуже, чем трясина, заставляет забыть прошлое и даже себя саму. Еще чуть-чуть – и в этом пропитанном туманом городе она погрузится в тряси́ну с головой.

– Как тебе погода? – спросила Милочка, закончив полировать столик.

– Мне не очень. – Арина с тоской посмотрела в окно. С тех пор как она переступила порог «Салона», во внешнем мире ничего не изменилось.

– И ведь самое интересное, что туман только у нас. Я на выходных была у знакомых в Веснянке, так там солнце. Представляешь?!

Арина не представляла. Веснянка располагалась всего в каком-то километре от города. Как же там может быть солнце, когда тут такой туман?!

– Я и в Интернете смотрела. – Милочка кивнула на один из компьютеров. – Кругом – жара и солнце, и только у нас апокалипсис. Ну что это такое?!

Арина пожала плечами, приветливо кивнула вошедшему мужчине. Туман туманом, а работу никто не отменял. Еще полчаса тишины, и кафе наполнится посетителями под завязку. А она еще не проверила записи в «жалобной книге».

Это тоже было Ариной обязанностью, только негласной и добровольной – следить, чтобы оставленные отзывы отвечали ожиданиям хозяйки. Потому что однажды среди восторженных отзывов в «жалобной книге» появился один разгромный, грубый, с переходом на личность автора. Евгения тогда, помнится, страшно переживала, заперлась в своем кабинете, прорыдала до обеда, а когда

спустилась наконец, устроила страшный разнос всему персоналу «Салона» и даже уволила попавшуюся под горячую руку официантку. С тех пор Арина взяла за правило каждое утро проверять, что написали в «жалобной книге». Несколько раз ей уже приходилось вырывать листы с неудобными рецензиями. Это была превентивная мера, позволявшая оградить хозяйку от лишних душевных терзаний, а персонал – от хозяйского гнева.

За минувший день в «жалобной книге» не появилось ни одной новой записи. Арина отложила альбом, еще раз поправила цветы в вазе, скользнула рассеянным взглядом по стеклянной ножке стола. Заботливо уложенные дизайнером книги выглядели солидно, тисненными кожаными переплетами намекали на свое благородное происхождение, а с виду хрупкое, но ударопрочное стекло и миниатюрный замочек под самой столешницей защищали эту красоту от потенциальных вандалов и расхитителей.

Ближе к девяти утра позвонила Ирка.

– Ты как? – спросила она осторожно.

– Нормально. – Арина покосилась на Милочку, понизила голос: – Умылась, переоделась, сейчас работаю. А ты?

– И я. Работы тьма-тьмущая. И все из-за тумана.

– Что из-за тумана?

– Аварии. Видимость нулевая. Переломы, сотрясения, пока ничего страшного. Считай, легко отделались.

– Легко, – согласилась Арина.

– Про бабу Глашу не забудь, в магазин сходи.

– Схожу, не переживай.

– И к дому тому не суйся больше.

– Не буду. Все, Ир, мне пора.

Арина отключила мобильный, поглядела в окно. На улице, кажется, чуть-чуть прояснилось. Интересно, как там Блэк? Выживет ли после такой раны? Про старика с его сказками она старалась не думать. И вообще, все случившееся утром сейчас казалось сказкой из разряда тех, которыми пугают непослушных детей. Старик просто свихнулся под бременем прожитых лет, а она, глупая, поверила. Всему виной туман. Вот в такую мерзкую погоду и начинает мерещиться всякая ерунда.

Когда ровно в десять порог кафе переступила Евгения, Арина уже совершенно успокоилась и даже украдкой переложила нож из кармана брюк в сумочку. Несмотря на непогоду, Евгения была в приподнятом настроении. Она замерла в дверях, обвела взглядом полный посетителей зал, поправила широкополую шляпу, благосклонно кивнула Милочке с Ариной, посмотрела на вазу с цветами от «поклонника» и загадочно улыбнулась.

Она была вся такая загадочная – хозяйка «Салона», первая леди города, знаменитая писательница. Шляпы с полями, ретроплатья, шелковые шали, тонкие сигаретки в черном мундштуке, взгляд с поволокой, таинственная улыбка Моны Лизы – все это по отдельности, наверное, работало бы на имидж, но вместе... Слишком много загадки, слишком много грустной мудрости во взгляде тридцатипятилетней женщины. Совсем не такой представляла себе Арина автора исторических детективов, но жизнь редко совпадает с ожиданиями. Она давно это поняла.

– Арина! – Евгения томным жестом вскинула руку. На полном молочно-белом запястье брякнули серебряные браслеты – еще одна составляющая имиджа. – Арина, поднимись ко мне и прихвати две чашки кофе, – добавила хозяйка многозначительно и, подобрав длинную, в пол, юбку, поплыла вверх по лестнице.

Две чашки кофе вместо одной могли означать только одно: хозяйка желает посекретничать, обсудить что-то крайне важное.

Арина поставила на серебряный поднос две чашки тонкого фарфора, сахарницу и молочник, подумала и добавила блюдце с круассанами. Евгения пребывала в состоянии вечной борьбы с лишним весом, но отказать себе в выпечке никак не

могла.

Перед тяжелой дубовой дверью Арина перехватила поднос поудобнее, постучала.

– Открыто! – Голос Евгении звучал бодро.

Арина вошла в кабинет, поставила поднос на стол рядом с включенным ноутбуком, на экране которого красовалась обложка новой книги. Интересная обложка, стильная. На самом деле стильная.

– Присаживайся! – Евгения кивнула на стул для посетителей. – И угощайся!

Предложение было очень своевременным, потому что из-за утренних злключений девушка так и не успела позавтракать.

– Спасибо. – Арина придвинулась к столу, взяла с подноса кофе и круассан. – Что-то случилось?

– Случилось. – Евгения порылась в сумочке от Шанель, достала портсигар, мундштук и зажигалку, прикурила. – Мне звонили из Москвы!

Она курила жадно, глубоко затягиваясь, совсем не так, как привыкла курить на публике, и улыбка ее теперь была самой обычной, совсем не похожей на улыбку Моны Лизы. На пухлых щеках сквозь матовую пудру проступил румянец, а тщательно уложенное каре растрепалось. Волосы Евгения красила в иссиня-черный цвет, тоже ради имиджа. Волосы отрастали быстро, и у корней проступала неопрятная светлая полоса.

– Тебе позвонили из Москвы и... – Тет-а-тет, без свидетелей, Арина обращалась к хозяйке на «ты».

– Из кинокомпании! Продюсер или кто-то типа того! Речь шла... – Евгения сделала многозначительную паузу, – об экранизации! Представляешь?! – Она взмахнула рукой, едва не опрокинув чашку с кофе.

– Это отличная новость, поздравляю!

Арина не кривила душой, ее интересовало и радовало все, что касалось литературной деятельности Евгении.

– И дело тут не в деньгах, ты же знаешь! Мы оплатили лишь издание, но никак не экранизацию. Дело в том, что мои книги там, в Москве, их очень заинтересовали. Теперь они сами готовы мне платить. Не бог весть какую сумму, – Евгения снисходительно усмехнулась, – но сам факт! Кто бы мог подумать, а?! – Она вперила в Арину взгляд водянисто-серых глаз. Этим утром она так торопилась, что забыла надеть цветные контактные линзы цвета морской волны. Еще бы – такая новость!

– И что дальше?

– Не знаю. Все должно решиться на этой неделе. Тот молодой человек, продюсер, говорил как-то расплывчато, намекал на скорую встречу. Возможно, меня пригласят в Москву. А до отъезда, – Евгения перестала улыбаться, полное лицо ее сделалось сосредоточенным, даже жестким, – мне бы хотелось, чтобы мы урегулировали одно наше дельце.

Она многозначительно замолчала, и Арина не стала спрашивать, о каком дельце пойдет речь. О том самом, которое стало залогом ее относительно благополучной жизни в Дымном Логе.

– Сколько? – спросила она.

– Две, а лучше три. До конца года.

– Это сложно.

– Я понимаю. – Евгения затянулась сигаретой, сощурилась. Вот сейчас она была роковой и опасно-загадочной. – Но и ты меня пойми, в Москве я не должна переживать из-за всяких пустяков. Нам нужно решить все прямо сейчас. И ты найдешь решение этой маленькой проблемы, у тебя просто нет другого выхода. – Круассан хрустнул под ее крепкими зубами, вызывая у Арины едва ли не физическое отвращение. – Я навела кое-какие справки, еще год назад.

Арина отставила чашку с недопитым кофе, сложила руки на коленях. Да, похоже, у нее и в самом деле нет иного выбора. Так было и раньше, год назад, но тогда Евгения не опускалась до шантажа. А теперь, похоже, все изменилось.

– Я подумаю.

– Подумай. – Евгения улыбнулась, добавила уже мягче: – Пойми, это же и в твоих интересах тоже. Да что я говорю! Все это только в твоих интересах.

– Да. – Арина сняла очки, рассеянно повертела в руках.

– Я добавлю денег. Тебе давно пора съехать из той дыры. Ты ведь запросто сможешь снять квартиру в Верхнем Логе. – Вслед за кнутом пришел черед пряника. Если позволяли обстоятельства, Евгения не закручивала гайки слишком туго, оставляя винтику иллюзию свободы выбора. – Или, может, ты хочешь машину? Тебе нужна машина, Арина?

– Нет, спасибо.

– Что – нет? – В голосе Евгении появились и тут же исчезли беспокойные нотки.

– Мне не нужна машина, мне вполне хватает скутера.

– Но деньги тебе нужны!

– Деньги нужны всем. – С этим не поспоришь. Особенно в свете выяснившихся фактов. Евгения наводила справки. Интересно, как много она узнала? Наверное, достаточно, раз решила на шантаж.

– Вот и хорошо! – Рука с сигаретой снова взметнулась вверх. – Значит, договорились. – Она не спрашивала, она констатировала очевидное, утверждала свое превосходство. – Что тебе привезти из Москвы? Наверняка там найдется что-либо интересное для тебя.

– Больше не найдется. – Арина встала. – Мне нужно работать.

– Минутку! – Евгения смотрела на нее снизу вверх. – Еще кое-что... Я хочу, чтобы ты его убрала.

– Кого? – В желудке неприятно заныло.

– Не прикидывайся дурочкой, ты знаешь кого. Он мне никогда не нравился, я говорила. – Евгения одним глотком осушила кофе. – Не мой типаж.

– Я не смогу. – Ноги сделались ватными, пришлось мобилизовать все силы, чтобы не рухнуть обратно на стул.

– Полно! – возразила Евгения. – Нет ничего проще. Просто представь, что он убил твоего любимого человека. Это ведь легко представить. Особенно тебе. – В ее голосе появилась особенная многозначительность, и от этого слабость от ног поднялась выше.

– Помнится, тебе не терпелось приступить к работе. – Она загасила сигарету. – А теперь иди, мне тоже нужно поработать.

* * *

Погода не улучшилась ни на грамм. В пять часов над городом все еще висел туман, плотным коконом укутывая оба Лога. Работы в «Салоне» было много, Арина задержалась до шести. На выходных Евгения запланировала открытие выставки холодного оружия. Выставка должна была предшествовать выходу новой книги, интрига в которой строилась как раз вокруг подобной коллекции. Еще один пиар-ход.

Подготовка к выставке шла полным ходом, уже второй день в галерее работала бригада рабочих, монтирующих стенды и подсветку.

Прежде чем уйти домой, Арина нагрузила поднос чашками с кофе и бутербродами с ветчиной, заглянула в галерею. В дверях она столкнулась с мужчиной, наверное, одним из рабочих. Он посторонился, придержал дверь. Она благодарно кивнула, скользнула взглядом по серой ветровке и вытертым джинсам незнакомца. Одежда не новая, ношенная, но аккуратная, без следов краски и строительной пыли. Наверное, он был не простым рабочим, а

бригадиром. Рассмотреть его лицо до того, как мужчина растворился в полумраке вестибюля, Арина не успела, увидела лишь коротко стриженный затылок. Двигался он совершенно бесшумно, гулкие каменные плиты под его ногами не издали ни звука. Наверное, стоило и ему предложить кофе с бутербродами, но теперь уже поздно. Не гоняться же за этим типом по всему городу!

На улице, несмотря на летний вечер, было темно из-за собирающейся грозы. В воздухе остро пахло чем-то будоражащим, тревожным, а в невидимом в тумане небе тихо погромыхивало. Арина застегнула пиджак на все пуговицы и через городскую площадь побежала к магазину за продуктами для бабы Глаши. Домой она решила пешком не ходить, не в такую погоду, пристроилась к группе горожан, ожидающих автобус.

Ей повезло – автобус пришел быстро, и она даже умудрилась в него втиснуться. Стоять пришлось на одной ноге, прижимая пакет с продуктами к груди, стараясь не дышать спертым, пропитавшимся потом и дешевыми духами воздухом, уворачиваясь то от энергично орудующей локтями кондукторши, то от подвыпившего и все время норовящего привалиться к ней дядьки. Зато уже через пятнадцать минут Арина была почти на месте. Несколько секунд девушка постояла, переводя дух, а когда где-то над самой головой громыхнуло, припустила по улице бегом.

В дом бабы Глаши она ворвалась с первыми дождевыми каплями, захлопнула за собой дверь, задвинула защелку.

– Кто там? – слышался из недр дома громкий и требовательный голос.

– Это я, баба Глаша! – крикнула Арина, стряхивая с волос дождевки.

– Аринка, ты, что ли? – Дверь в сени распахнулась, на пороге возникла баба Глаша.

– Я. Продукты принесла. – Арина взмахнула пакетом, пожаловалась: – На улице творится черт-те что! Ветер поднялся...

Договорить она не успела, баба Глаша ахнула, взмахнула рукой:

– А про белье-то я, дура старая, совсем позабыла. Аринка, у меня ж белье на дворе сушится, сейчас вымокнет все!

Выходить в беснующуюся за дверью круговерть не хотелось, и черт бы побрал это белье – как вымокнет, так и высохнет! Но не станешь же перечить пожилому человеку! Арина поставила пакет с покупками на табурет, набрала полные легкие воздуха и как в омут нырнула в водоворот из ветра и косых дождевых струй.

Продвигаться теперь она могла только на ощупь, а дышать – так и вовсе через раз. Стоило лишь попытаться сделать вдох, как в горло забивался дождь пополам с песком. Бабы-Глашино белье уже наверняка не спасти, а дорогу назад еще попробуй отыщи в этом суровом, вставшем с ног на голову мире.

По лицу хлестнуло мокрым и холодным. Арина едва не заорала от неожиданности, но почти в то же самое мгновение поняла, что это всего лишь болтающаяся на ветру простыня. Все так же, на ощупь, посрывав белье с веревки, она направилась обратно к дому. Снова грянул гром, на сей раз где-то совсем близко, а потом серое марево вспорола молния. Белая вспышка отпечаталась на сетчатке, временно лишив возможности видеть. В спину что-то больно ударило, наверное, отломившаяся от старой яблони ветка. Под ногами хрустнуло раз, потом другой, словно она шла по невидимым костям. Не кости – все те же ветки, но ощущение отвратительное. И где же дверь?!

Неизвестно, сколько бы еще Арина кружила по двору, ослепленная, оглушенная, дезориентированная, если бы не раздавшийся совсем близко громкий голос:

– Аринка, сюда! Здесь я! Слышишь?!

Она бросилась на голос, не обращая больше внимания ни на дождь, ни на ураганный ветер, ни на странный хруст под ногами, нащупала дверной косяк, вломилась в сени и с усилием захлопнула за собой дверь, отсекая грозный вой. Минуту девушка стояла, прислонившись спиной к стене, прижав к груди насквозь мокрое постельное белье и пытаясь восстановить сбившееся дыхание. В сенях было темно, едва ли не темнее, чем снаружи.

– Пробки повыбило, – слышался голос бабы Глаши. – Ничего, сейчас свечку зажгу. Где-то они у меня были, свечи-то...

Голос удалялся вслед за шаркающими шагами, становился все тише. Арина оттолкнулась от стены, нашарила в темноте пакет, свалила на него белье и осторожно, вытянув вперед руку, направилась вслед за бабой Глашей в глубь дома.

– А, вот они! – Бормотание старушки доносилось из дальнего угла комнаты, от старого дубового комода, в котором она хранила все самое ценное. – Сейчас без свечек совсем никуда, электричество гаснет через день. При коммунистах такого не было. Другие безобразия были – чего уж там! – а вот свет не гас. Ты, Аринка, к столу садись, я сейчас...

Чиркнула спичка, вспыхнул желтый огонек, вырывая из темноты сморщенное лицо бабы Глаши. От этой фантасмагорической подсветки старушка стала похожа на Бабу-ягу. Арина невольно поежилась. Но вот язычок пламени лизнул фитиль толстой хозяйственной свечи, и наваждение рассеялось.

– Вымокла, поди, вся. – Баба Глаша поставила свечу на стол перед Ариной. – А все из-за меня, из-за маразма моего. Далось мне это белье!

– Ничего! – В тепле бабы-Глашиного дома к Арине вернулось если не благодушие, то хотя бы его подобие. – Мне бы волосы вытереть.

– Скидай одежки! – велела старушка. – Давай раздевайся. Некого стесняться, мужиков в этом доме уже полста лет как не водилось. На-ка вот! – Она порылась в шкафу, протянула Арине махровую простыню. – Лидки, сестрицы моей младшей, подарок. Смотри, и пригодился.

Арина разделась, завернулась в простыню, насквозь мокрую одежду повесила на спинку стула.

– К печке придвинь, – велела баба Глаша. – Я как раз сегодня протопила, а то от сырости этой кости болят, мочи нет. Сейчас чаек заварю, согреемся. А хочешь, у меня и самогончика есть, Любка Кирюшкина принесла.

– Не надо самогончика, хватит чаю. – Арина протестующе замотала головой. – Давайте я вам помогу.

– Да что тут помогать! – отмахнулась баба Глаша. – Сиди уж, отдыхай! Воду вскипятить я как-нибудь и сама смогу.

Арине на месте не сиделось, на душе было беспокойно с самого утра, а сейчас, наверное из-за грозы, беспокойство усилилось. Нашарив в ящике комода еще одну свечу, она зажгла и ее тоже. Держа свечу в вытянутой руке, подошла к окну. За стеклом была тьма кромешная, как глубокой ночью. О том, что там, снаружи, беспокойно, говорили мелко подрагивающие стекла, по которым непрерывающимся потоком струилась вода. Разверзлись хляби небесные...

Ударил гром, и тут же, почти без задержки, полыхнула молния. Яркая вспышка выхватила из темноты черный силуэт. Кто-то стоял под проливным дождем посреди бабы-Глашиного двора и смотрел на нее, Арину. Она точно знала, что на нее, почувствовала нервными окончаниями. Это было как удар током или той же молнией. Сердце перестало биться, свеча выпала из враз ослабевших пальцев, покатилась по подоконнику.

– Аринка! – С невероятным для ее возраста проворством к окну подскочила баба Глаша, поймала свечу едва ли не на лету. – Оглашенная! Чуть пожар мне не устроила! – Она дунула на свечу, гася огонь.

Как ни странно, но именно наступившая темнота привела Арину в чувство. А еще осознание, что тот, кто притаился снаружи, не сможет ее увидеть.

– Баба Глаша, там кто-то есть. – Голос вдруг охрип, как будто она сутки не пила.

– Некому там быть, в такое-то ненастье. – Баба Глаша торопливо перекрестилась. Арина это скорее почувствовала, чем увидела.

– Там какой-то человек, прямо во дворе. Молния сверкнула, и я увидела.

– Разглядела кто? – Баба Глаша понизила голос до шепота.

– Нет, но он точно там был.

– Был да сплыл. В такую погоду что только не примерещится! Вода вскипела, пойдем пить чай. И самогоночки я тебе, пожалуй, плесну, чтобы не мерещилось

всякое.

Она уже тянула Арину от окна, когда стекло содрогнулось от удара, словно в него швырнули камнем.

– А это еще что за хулиганство?! – Баба Глаша обеими руками вцепилась в подоконник. – Это что? – спросила растерянно.

Снаружи снова блеснуло, молнии били одна за другой, где-то совсем близко, у подножья холма. В их ярком, как от фотовспышки, свете они увидели, как по стеклу, растворяясь в дождевой воде, стекает что-то густое и черное. И в этом черном трепыхалось на ветру, но не желало улетать серое перо.

– Господи... – Баба Глаша снова перекрестилась, на сей раз куда истовее.

– Это птица. – Незнакомца во дворе не было, и это вернуло Арине смелость. – Птица врезалась в стекло. Или ветром ее швырнуло. Так бывает, наверное...

Договорить она не успела, стекло содрогнулось еще от одного удара.

Это и в самом деле была птица. Кажется, галка. Галка-камикадзе, отважившаяся летать в такую грозу и поплатившаяся жизнью за свою отчаянную удаль.

– А птицы станут падать с неба, точно листья с деревьев... – Баба Глаша прижала руки к груди. – Туман сожрет землю, птицы упадут с неба, дым заслонит солнце... Аринка, подай-ка мне нитроглицерин...

Девушка бросилась к комоду, на котором стояли все бабы-Глашины лекарства, вытряхнула на ладонь сразу две таблетки, протянула старушке, сбегала в сени за кружкой воды, а когда вернулась, баба Глаша уже сидела за столом, откинувшись на спинку стула, дыша глубоко, с присвистом. Она отмахнулась от принесенной воды и велела:

– Чай разливай. В буфете – варенье и печенье. А в окно больше не смотри. Нечего...

– Вы про птиц что-то говорили... – Арина поставила на стол вазочку с вареньем, положила печенье и принесенные карамельки, придвинула к старушке чашку. – Что это такое?

– Стопки достань и самогонки плесни. – Баба Глаша ее словно и не слышала. Лицо ее сделалось отрешенно-задумчивым.

Арина выполнила эту не то просьбу, не то приказ. Ей и самой вдруг захотелось выпить. События этого безумного дня располагали.

– Ну, здравы будем! – Баба Глаша одним глотком осушила стопку, закусила печенюшкой. Арина последовала примеру хозяйки.

Самогонка была обжигающе-крепкой, но почти сразу же эта крепость превратилась в успокаивающее тепло, растекающееся из желудка по всему телу.

– Баба Глаша, – сказала она шепотом, – так что же тут происходит?

– А то происходит, что со всякой живой тварью рано или поздно случается. – Старушка говорила загадками, не сводя взгляда с окна. – Помирает он, вот что происходит.

– Кто?

– Сказочник. – Ее голос дрогнул, пошел рябью. – Ведьмин сын помирает. Пришло, видать, и его время.

– Но откуда вы знаете?

Арина вспомнила лысую голову на тонкой кадыкастой шее, руки-плети. Старик был болен, но собирался ли он умирать?

– Знаю. Видела такое в молодости.

– Какое?

– Сначала туман с утра до ночи. Не помню сколько, но долго. Потом птицы с неба падали. Вороны, галки, но больше всего воробьев. А потом пожар. Загорелись торфяники, да так, что только через месяц погасили. Весь Дымный Лог был в дыму. – Баба Глаша невесело усмехнулась. – Может, потому он и дымный? Кто знает...

– И что это? – спросила Арина.

– Знаки.

– Какие знаки? – Арина пока ничего не понимала, но тепло, дарованное самогоном, вдруг улетучилось. Она плотнее завернулась в простыню.

– Знаешь, как умирают ведьмы? – вдруг спросила баба Глаша, тоже кутаясь в пуховую шаль.

– Как?..

– Тяжко. И чем сильнее ведьма, тем труднее ей уйти. Вот такое их проклятие. Его мать так умирала, мучилась сама и людей мучила. Не хотела старая...

– Умирать?

– Не хотела свой дар ведьмовской с собой забирать. Или не могла. Этого уже я не знаю, как у них там. Дар этот или проклятье передают по крови, от матери к дочери. А у нее, у ведьмы, вместо дочки родился сын...

– Сказочник... Ведьмин сын.

– И дар такой забирать не хотел.

– Почему?

– Почему, спрашиваешь... – Баба Глаша смахнула со стола крошки. – А время тогда какое было, знаешь? Коммунизм мы тогда строили, в светлое будущее строим маршировали. Он был комсомольцем.

– Сказочник?! – В то, что этот древний как мир старик когда-то был комсомольцем, никак не верилось. Что-то путает баба Глаша.

– И он, и я. Мы комсомольцы, а сестра моя младшая, Лидка, ходила в пионерах. Такие времена. – Баба Глаша вздохнула. – И вот сама посуди, каково было комсомольцу с такой-то семьей. Мать – ведьма. И пусть тогда ни в бога, ни в черта не верили, а верили только в товарища Сталина, но все равно пятно на биографии такое, что не отмыть. Как его в комсомол приняли, ума не приложу. Он в партию рвался. Тогда все из комсомола в партию, а тут мать – ведьма... А он ведь ее любил, мать-то свою. Поздний он у нее был, поскребыш. И она его любила. Даром что ведьма, а сердце-то все равно материнское. Учить его пыталась премудростям своим, только он отказывался от такой науки.

– Откуда вы знаете это, баба Глаша? – За окном бушевала гроза, на столе медленно оплывала свеча – самое время для страшных сказок.

– Дружили мы. – Баба Глаша вздохнула. – Нравилась я ему. Да и он мне, что греха таить. Может, и сладилось бы у нас с ним что-то, если бы не его мать.

– Она вас не любила?

– Она его любила. – Баба Глаша невесело усмехнулась. – Понимаешь ты это, Аринка? И судьбу ему прочила не комсомольскую, а ведьмаковскую. И добила своего, проклятушая.

– Он же не хотел, вы сами говорили.

– Не хотел. Да и не верил во все это. Неверие его и погубило. Я помню, был июль сорок первого. Война... немцы... Самолеты над Дымным Логом, и все больше фашистские. А город в дыму из-за пожаров. Руку протяни – не увидишь пальцев. И запах гари такой, что дышать нечем. Апокалипсис. Так бы сейчас сказали, а тогда и слов-то таких не знали, жили как живется: старики осторожно, вприглядку, а молодые – те на фронт рвались. И он тоже.

– Сказочник?

– Он на фронт хотел, да как мать умирающую бросить! Это людям она ведьма, а ему-то... – Баба Глаша помолчала. – Вот она его на жалость и поймала. Забери, говорит, все, что у меня есть, отпусти меня с миром, а потом на фронт иди. Война будет долгая и страшная, много людей умрет, а ты выживешь. Вот так она ему говорила.

– И он забрал? – Арина уже знала ответ, но все равно спросила.

– Забрал. – Баба Глаша кивнула.

– А... как?

– А мне почем знать? Это ж дело такое... темное. В тот же день она умерла. Освободилась, значит. А он забрал... – Баба Глаша плеснула в рюмки самогон и велела: – Пей!

Арина выпила, запила остывшим чаем. В окно снова ударилась какая-то птица, совсем мелкая, наверное воробей. Следом еще одна. Молнии били где-то далеко, за городом, но ветер и дождь не унимались.

– Я тот день как сейчас помню, – заговорила баба Глаша. – С утра в небе гудели бомбардировщики, но из-за дыма их никто не видел. Говорили, Москву полетели бомбить, но все равно страшно, прятались все, кто куда мог. Я вот тоже бежала к погребу. Бегу, значит, перед собой из-за дыма ничего не вижу, глаза слезятся. Налетела на что-то, упала. Гляжу, а это он! Лежит, ну точно мертвый. Мне с перепугу показалось, что у него даже сердце не билось. Мертвец, форменный мертвец... В погреб его спустить у меня силы не достало, в дом тащить побоялась. Я хоть и комсомолка была, но к разговорам, что про ведьму ходили, прислушивалась. Сбегала за Лидкой, мы вдвоем с ней отнесли его в сарай, на сеновал, а потом только позвали мамку. Она как его увидела, так сразу заголосила, полотенцем нас с Лидкой отходила.

– За что? – не поняла Арина.

– А за то, что мы его к себе пустили. А как же по-другому! Он же товарищ наш был! Как же его оставить на улице, словно пса бездомного!

При этих словах Арина вспомнила Блэка. Как он там? Помогла мазь?..

– Мамка моя была отходчивая и жалостливая. Остался он у нас. Не помню, сколько дней точно в беспмятстве провел, вот просто лежал камнем: не ел, не пил, даже под себя не ходил – как мертвый. Ведьму тем временем похоронили. Она ж тоже человек... – Баба Глаша поправила на плечах пуховую шаль. – Народ тогда добрее был, вот что я тебе скажу, Аринка. Жили тяжелее, чем сейчас, но жалость не растеряли. А он все лежал, уже думали, не встанет.

– Почему он слег? – спросила Арина.

Образ немощного старика все никак не вязался с образом молодого комсомольца.

– Потому что мужчина. Я ж говорю, они свою силу передают по крови, от матери к дочке, а он мужчина. Понимаешь? Тяжело, видно, ему было все это принять, сам едва не помер вслед за матерью своей.

– Но ведь не помер.

– Нет. Взял и очнулся, как ото сна. Я с ним тогда была, сидела рядом. Обрадовалась, на шею чуть не бросилась. А он поглядел на меня так странно, словно и не на меня вовсе, и говорит: «Иди, дальше я сам». А я ему: «Да куда ж ты сам, ты ж без памяти почти неделю пролежал, тебе покушать нужно!» Хотела уже бежать в хату, мамку звать, а он только рукой так небрежно взмахнул. «И ты, Глаша, – говорит, – тоже иди, мне одному побыть надо». Понимаешь, Аринка? Видел он кого-то кроме меня в том сарае. Ее, мать свою мертвую, видел, с ней разговаривал.

Арина слушала бабу Глашу и вспоминала, как этим утром в пустой комнате Сказочник разговаривал сам с собой. Или не сам с собой?.. По спине пробежала холодная дрожь, словно бьющий в окна ветер все-таки прорвался в дом. Глупости все это, сказки! А верить в них хочется из-за грозы. Атмосфера уж больно подходящая.

– Я убежала. – Голос бабы Глаши вернул ее к действительности. – Как последняя трусиха. Хоть была не робкого десятка уже тогда. Но тут такой страх меня взял, аж волосы на голове зашевелились! Убежала и до обеда проходила сама не своя,

а когда решилась вернуться, его и след простыл. Ушел, не попрощавшись. От меня, из города, на фронт. – В голосе бабы Глаши слышалась горечь и еще что-то... неуловимое. Обида? Или, может, тоска? – На подоконнике своем я вечером ветку жасмина нашла. Это он так поблагодарил. Или попрощался. Кто ж его разберет!

– Он воевал? – спросила Арина.

– Воевал. Дошел, говорят, до самого Берлина. Вернулся в сорок шестом: вся грудь в орденах, без единого ранения. Вернулся и сразу ко мне пришел. – Баба Глаша вздохнула, потерла сухие глаза. – А я, Аринка, к тому времени уже была мужняя жена. Замуж выскочила в сорок пятом за Леньку своего, он с фронта контуженый в сорок четвертом вернулся. Жених по тем временам казался завидный, не было тогда мужиков-то – одни ребятишки да старики. Стал Ленька ко мне захаживать: то дров наколет, то гостинец какой мамке принесет. Тогда, знаешь, и краюха хлеба являлась царским подарком. Не любила я его, что говорить. Не лежала душа. Но когда Ленька посватался ко мне, не отказала.

– Почему? – Арина не понимала: как же можно без любви?! Пусть и среди послевоенной разрухи, пусть и за завидного жениха.

– Почему? – переспросила баба Глаша. – Да потому, что дурой была. А он... за все годы ни единой весточки не прислал.

Арина не стала спрашивать, кто – «он», по выцветшим бабы-Глашиным глазам все и так было понятно.

– Он ведь к вам вернулся, – сказала она тихо.

– Вернулся. – Баба Глаша кивнула. – А я мужняя жена с вот таким пузом. – Она развела руки, показывая, какой у нее был живот.

В сердце кольнуло, словно иглой. Стало жалко всех: и девчонку, мужнюю жену с пузом, и завидного жениха Леньку, и того, кто вернулся слишком поздно.

– Помню я только ветку жасмина в его руке. Ни лица, ни глаз не запомнила, только жасмин. Он его аккуратно на лавочку положил и знаешь что сказал?

Сказал – сам виноват. И ушел... Вот точно его и не было. А я бы следом побежала, мужняя жена с вот таким пузом. – Баба Глаза снова развела руки. – И догнала бы. Так мне хотелось ему в глаза посмотреть, понять, отчего он так со мной... С нами отчего он так жестоко поступил. – Баба Глаша говорила, и голос ее становился все тише, терял командирские нотки.

– Вы его не остановили тогда?

– Не успела. Ленька мой не позволил... Нет, он не злой был мужик. Трезвый так вообще телок ласковый, а во хмелю страшный. Пил он, Аринка. Самогоном заливал то, что забыть хотел, все эти ужасы войны. Он как цветы увидел, так все сразу понял, схватил меня за косу и в хату... Ребеночка, первенца своего, я тогда потеряла. И не смотри на меня так, Аринка, не думай даже его, Леньку моего, винить. Это не он был, это война все проклятушая, контузия его. Утром, как проспался, горше меня плакал, на коленях ползал, клялся и божился, что никогда больше руки на меня не поднимет.

– И вы его простили?

– Простила! – сказала баба Глаша с вызовом. – Ни дня не любила, а простила. Вот такие мы, бабы, дуры.

– А он?

На сей раз баба Глаша не стала спрашивать, кто – «он», на губах ее мелькнула и исчезла горькая улыбка.

– А он пришел ко мне в тот же день. Как мимо мамки с Ленькой прошел, ума не приложу. Наверное, глаза отвел. Пришел и говорит: «Он же зверь, Глаша! Он же покалечит тебя. Ты только скажи, только намекни...» И смотрит на меня так, как никто никогда не смотрел, так, что утроба моя пустая жаром зашлась. Вот тогда я и поняла, что он другой теперь. Совсем другой. И за Леньку непутевого мне вдруг так страшно стало. «Не смей! – говорю. – Не вмешивайся в мою жизнь. И мужа моего не трожь».

– А он?

– Он только кивнул, будто согласился. Поставил на стол какую-то склянку. «Выпей, – говорит, – Глаша. Это тебе нужно от хворей женских. Чтобы потом все хорошо было». И ушел... Я, кажется, только моргнула – а его уже и нет. Подумала, приснился в горячке, если бы не склянка, что он мне оставил.

– Вы выпили? – Можно было не спрашивать. От Ирки Арина знала, что у бабы Глаши нет детей.

– Хотела. Мне бы он зла не причинил. Но не успела. Ленька склянку увидел. Как он понял, как догадался?.. Не знаю, только на моих глазах ее разбил. «Не надо, – сказал, – жена, тебе это ведьмовское зелье. Сами справимся. Все у нас будет еще лучше, чем у других».

– А как на самом деле было?

– Как было? – Баба Глаша помолчала, вспоминая. – Да по-всякому: что хуже, что лучше. Вот только деток у нас больше не было. Не дал боженька.

– А его, его вы совсем забыли? – спросила Арина.

– Нет. – Баба Глаша ответила сразу, не раздумывая. – Он, как и обещал, обходил меня стороной, на глаза не попадался, хоть и жил рядом. Да вот как сейчас. Я бы его, может, тоже забыла, да Ленька не давал. Ревновал меня страшно, из-за бездетности нашей сильно переживал. Переживал и напивался, а потом... – Она обреченно махнула рукой.

Арине не нужно было объяснять, что потом. «Любил-пил-бил...» – вот такой замкнутый круг. Сколько женщин, сильных, красивых, умных, так и не смогли из него вырваться! Но ведь баба Глаша как-то вырвалась. Или нет?

Старушка поняла, словно почувствовала невысказанный Аринин вопрос, прежде чем заговорить, разлила по стопкам остатки самогона.

– Пятьдесят третий год это был. Хорошо запомнила, потому что Сталин тогда помер. По радио объявили – все, нет его, вождя, отца любимого. Некому нас теперь в светлое будущее загонять. – Баба Глаша одним махом допила самогон, поморщилась. – Сталин помер, а у Леньки моего появился очень уважительный

повод. Два дня он пил, домой глаз не казал, а на третий вернулся. Я как раз на работу собиралась, волосы перед зеркалом расчесывала. Волосы у меня, Аринка, были всем бабам на зависть, золото, а не волосы. Вот он эти мои волосы на свой кулак и намотал... Что кричал, в чем обвинял, не помню, чуть душу он из меня не вышиб. Бил так, что я уже и с жизнью попрощалась, только лицо все руками закрывала, боялась, дура, что в гробу с синяками некрасивая буду. – Она коротко хохотнула, поправила сползшую с плеч шаль. – Думала: вот, помирать время пришло, а в жизни моей ничего хорошего не случилось. А потом, чувствую, легко мне стало: никто не бьет, не пинает. Я не знаю, как он догадался. Может, почуял, чутье же у него ведьмовское. Всегда мой дом стороной обходил, а тут зашел. Что он с Ленькой сделал, как бил его, мне потом Лидка рассказала. Она с мужем на крики прибежала, вдвоем они его едва оттащили. Бешеный он был, страшный, кричал, что Леньку за меня со свету сживет. А потом успокоился, вот как гроза, раз – и нет ее. Меня на кровать перенес, а сам ушел, но вернулся быстро с мазями, отварами какими-то, велел Лидке меня этим выхаживать. Провалилась я в беспамятстве дней пять, а когда в себя пришла, ничего из того, что было, не вспомнила. Ни то, как Ленька меня мордовал, ни то, как он Леньку. Мне все Лидка рассказала, не сразу, а когда я уже на ноги вставать начала. Я, помню, всю ночь не спала, думала о своей жизни непутевой, а утром подала заявление на развод. Хоть жалко мне было Леньку, да только своя жизнь дороже, пусть и непутевая.

Арину так и подмывало сказать, что давно пора было, еще после того, самого первого раза. И не любовь это, и не жалость, а сплошной морок. Как же с этим вообще можно жить?! Но говорить она ничего не стала. Та горькая история давно канула в прошлое. Воскрешенные грозой воспоминания – вот единственное, что от нее осталось.

– Ленька погиб в тот же день, как я подала на развод, – сказала вдруг баба Глаша бесцветным голосом. – Слетел на стройбазовском грузовике прямо в Ведьмин овраг, машину разбил, сам насмерть...

Ведьмин овраг в Дымном Логе знал каждый. Место и в самом деле было недоброе. Крутой спуск заканчивался резким поворотом. Не проходило и полгода, чтобы кто-нибудь не слетал на этом повороте в глубокий овраг. Не помогали ни предупредительные знаки, ни отбойники. Знаки не замечали, отбойники сносили. Люди гибли...

– Вот так, не получилось мне стать разведенкой – стала вдовой. А слова, что он Леньке сказал, все не шли у меня из головы. Силы его на то хватило бы, чтобы Леньку со свету сжить. Вот и сжил. Из-за меня... Значит, грех и на нем, и на мне.

– А может, совпало? – предположила Арина. – Он же пил – ваш муж.

– Пил, – согласилась баба Глаша. – И за руль, бывало, пьяным садился. Да в тот раз он трезвый был. Трезвый, как стеклышко. Вот я до сих пор и думаю: как же так? И себя виню, и его ненавижу. Хоть бы зашел он тогда ко мне, хоть бы словечко сказал, чтобы я поняла... А он не зашел и не сказал. Значит, есть грех на душе.

За окном гроыхнуло с небывалой силой, черное небо, точно копье, прочертила молния, и где-то на сей раз далеко, на линии горизонта, полыхнуло оранжевым. Ничего этого Арина видеть не могла, но точно знала: в лесу за Дымным Логом разгорается пожар.

Баба Глаша с трудом выбралась из-за стола, подошла к окну, уперлась ладонями в выщербленный подоконник, долго и напряженно всматривалась в темноту.

– Все как тогда, – прошелестел в тишине ее голос. – Завтра округа будет не только в тумане, но и в дыму. – Она отвернулась от окна, посмотрела на Арину, сказала едва слышно: – Умирает он. И детей у него нет. Ни сынов, ни дочек... А я до сих пор так и не поняла про него ничего, про ведьмака, ведьминого сына...

Арина тоже встала, принялась убирать со стола.

– Завтра. – В голос бабы Глаши вернулись командирские нотки. – Завтра все приберем, а сейчас давай я тебе постелю. Домой к себе ты все равно не попадешь, буря стихнет только к утру...

* * *

Ночью Арина так и не сомкнула глаз: прислушивалась к тому, как вздыхает и ворочается с боку на бок баба Глаша, поглядывала в темный провал окна, гадая, что там, на улице. Вспоминала...

Воспоминания походили на бетонную плиту, под их тяжестью она задыхалась. Воспоминания были хуже страха. К страху за последний год она почти привыкла, как привыкла жить вполсилы, с оглядкой. А вот заставить себя забыть или хотя бы не вспоминать так часто все никак не получалось. Стоило только расслабиться, потерять бдительность – тут же накатывала душная, смрадная волна, и в грязной пене ее Арине являлись видения...

Нитка речного жемчуга на морщинистой шее... Бельевая веревка на тонких запястьях... Спекшиеся от крови седые волосы... Широко открытые глаза... И в зрачках – не боль, не страх, а жалость и, может быть... укор.

Воспоминания превращались в угрызения совести в тот самый момент, когда перед внутренним взором появлялась еще одна, сама страшная картинка. Кухонный нож с тяжелой костяной рукоятью в дрожащей руке и черная зияющая дыра у самых ног. Из дыры этой веяло холодом и сыростью, как из свежерытой могилы. Из нее каждую ночь вырывались воспоминания, чтобы, смешавшись со страхом, не давать покоя...

Было еще кое-что... То, что даже в кошмарах Арина старалась контролировать, не впускать в душу и свою жизнь. Разверстая клыкастая пасть, взгляд не звериный – человеческий. Чужая кровь на руках и ноже с наборной рукоятью, том самом, удерживать который нет никаких сил. А еще запах... страх, оказывается, тоже пахнет – кровью и мокрой шерстью...

Тот старик... Сказочник сказал, что мучений не было. Откуда ему знать, если даже она сама не знает, как такое случилось, как она позволила втянуть себя в это. И самое главное – он знал про волка! Он говорил об этом так... то ли с жалостью, то ли с равнодушием.

Равнодушие! Зачем жалеть незнакомую девицу, когда не жалко собственного пса, который верой и правдой служил столько лет, заменил родных и близких, а сейчас, возможно, умирал у ног хозяина!

А рассказ бабы Глаши как будто о другом человеке. Даже не верится, что Сказочник когда-то был молодым, таким... неистовым, страстным и сдержанным, запретившим себе любить даже собственного пса.

Лучше бы не запрещал. Может, тогда и не остался бы в ветхом доме один на один с немощным одиночеством, с умирающим псом вместо любящих родственников. Что он говорил? За все нужно платить? Это правда. Он платит. Баба Глаша платит, Арине же и вовсе вовек не расплатиться.

И с Евгенией нужно что-то решать. Знает ли она правду или просто блефует? Беда в том, что проверить это нет возможности, а вот у хозяйки возможностей полно, и Арина судьба плотно вплетена в ее планы. Как беспечная муха вплетена в невесомую с виду, но смертельно опасную паутину.

И аппетиты Евгении растут, а планы становятся все более... кровожадными. Она сказала: «Убей, он мне надоел!» Можно подумать, это легко – убить кого-нибудь, даже того, кто надоел. А если он не надоел вовсе? Если он единственный, с кем она может быть сама собой?

Надо думать, взвесить все «за» и «против». И когда единственно верное решение станет неизбежным и неоспоримым, придется доставать из шкафа дорожную сумку, придумывать себе новое будущее и новое прошлое. Без поддержки Евгении это будет нелегко, зато не придется никого убивать...

Арина соскользнула в тревожный сон с первыми лучами солнца. За солнце уставший мозг принял зарево пожара, разгорающегося у самых границ Дымного Лога...

Утро наступило внезапно, ворвалось в сон командирским голосом бабы Глаши и запахом жареной яичницы.

– Вставай, Аринка! Вставай, горемычная. Шесть часов уже, хватит спать!

Для мающейся бессонницей бабы Глаши шесть часов утра были едва ли не полднем. К шести она успевала переделать все домашние дела, протопить печь и приготовить завтрак. Вот и сейчас в печке жарко потрескивали дрова, а на столе скворчала яичница.

– Одежду твою я высушила. – Старушка стояла у окна, спиной к Арине. – Кушать сготовила.

Арина не хотела есть, в шесть утра силы воли хватало лишь на необходимый набор манипуляций, но никак не на плотный завтрак. Но спорить с бабой Глашей себе дороже. Девушка натянула теплую от печного жара одежду, убрала постель, умылась холодной водой. В отличие от ее съемного дома, в жилище бабы Глаши из всех благ цивилизации имелась лишь холодная вода. Все остальные «удобства» располагались на огороде, в похожей на гигантский скворечник деревянной будке.

– Ешь! – велела баба Глаша, придвигая к Арине чугунную сковороду с яичницей и жареным салом. – Жанка Карпушникова вчера свежины принесла, а куда мне, старой, эта свежина!

Жареное сало пахло так вкусно, что Арине вдруг захотелось есть. С хрустящей желтоглазой яичницей она расправилась в два счета, как будто не ела несколько суток. Баба Глаша наблюдала за ней с молчаливым одобрением.

– Может, молочка парного от карпушниковской козы? – спросила она, забирая со стола опустевшую сковородку.

– Нет, спасибо. – Молока Арина не смогла бы выпить даже из вежливости: ни парного от карпушниковской козы, ни коровьего магазинного.

Баба Глаша это прекрасно знала, поэтому спросила скорее по инерции.

– Ирка сегодня хоть явится? – Она снова отошла к окну. Окно тянуло ее, словно магнитом.

– У нее дежурство на «Скорой», утром должна прийти. – За окном был все тот же туман, после грозы во внешнем мире ничего не изменилось. – Вам что-нибудь в магазине купить?

– Водку пусть возьмет, – велела баба Глаша после недолгих раздумий.

Арина не стала спрашивать, зачем ей водка, лишь молча кивнула. Главное, не забыть позвонить Ирке.

От бабы Глаши она вышла сытая и почти удовлетворенная. Вышла и замерла на крыльце. Все-таки мир изменился! За одну ночь он стал совсем другим. В сыром после недавней грозы воздухе пахло гарью, и по узким улочкам Нижнего Лога, смешиваясь с туманом, клубился дым. А бабы-Глашин двор был устлан трупиками мертвых птиц, от воробьев до ворон. Арина разглядела даже белобокую сороку, застрявшую между забором и поленницей. Но больше всего птиц оказалось под окном, словно, ища спасения, они стремились попасть в дом.

– Видишь, как оно, – слышался за спиной голос бабы Глаши. – Я их пока в кучу сгребу, а Ирка мне потом яму выкопает. Негоже, чтобы они вот так... И торфяники загорелись... – Она потянула носом влажный воздух. – Теперь долго тушить придется. Очень долго.

– Почему? – спросила Арина, не решаясь сойти с крыльца в это мертвое птичье царство.

– С торфяниками всегда так: огонь глубоко под землей. Идешь, вроде и земля твердая под ногами, только струйки дыма то тут, то там, как после пожара, а сделаешь неверный шаг – и провалишься в самое пекло. Опасно сейчас на торфяниках.

Арина кивнула, соглашаясь, и осторожно ступила на узкую дорожку, ведущую к калитке. Под ногой что-то хрустнуло. Она замерла, присмотрелась. Нет, не птица – всего лишь сломанная ветка.

Девушка была уже у калитки, а баба Глаша все стояла на крыльце, кутаясь в пуховую шаль.

– Баба Глаша, и это все правда очень долго будет? – Арина обвела двор взглядом, но думала она при этом не про дым и не про мертвых птиц, а про умирающего Сказочника.

– Не знаю... – Старушка покачала головой. – У него же нет никого, а кто из чужих добровольно пойдет на такое?

Арина задумалась. Добровольно? Сейчас время такое – особенное, нашлись бы желающие.

– Это опасно, если не через родную кровь, а вот так. – Баба Глаша смотрела куда-то вдаль, словно могла видеть сквозь дым. – А что будет с ним, я не знаю, – сказала едва слышно, махнула рукой и скрылась за дверью.

Часы с кукушкой грянули, стоило только Арине переступить порог. Она вздрогнула, погрозила неугомонной кукушке кулаком. Оставалось еще полчаса на то, чтобы принять душ и привести себя в порядок перед работой.

Бойлер барахлил, и вода вместо горячей получилась летней – не понежишься. Зато из душа Арина вышла бодрой и посвежевшей. Есть, оказывается, в холодных обливаниях своя прелесть.

Захотелось кофе. Обычно первую чашку кофе Арина выпивала на работе, но время позволяло. Девушка прошла на кухню, поставила на огонь джезvu, щедро сыпанула в нее кофе, потянулась к банке с сахаром и замерла с протянутой рукой...

В ее доме побывал чужой, и керамическая банка с сахаром – самое явное тому доказательство. Эту банку на Новый год подарила ей Ирка. На ее боку красовался Санта-Клаус в обнимку с северным оленем. Оба они, и Санта, и олень, были такими славными, что Арина уже сама прикупила к банке чашку и блюдце. Вещей в ее временном жилище было мало, зато все содержалось в идеальном порядке. Банка и чашка с Сантой всегда стояли на навесной полке, всегда картинкой к Арине. Всякий раз, когда взгляд останавливался на олене и Санте, на душе становилось теплее. А тепла в ее жизни очень не хватало, поэтому даже к таким мелочам Арина относилась очень серьезно. Банка и чашка всегда стояли картинкой к ней. Всегда, но не на этот раз. Чуть-чуть наискосок, самую малость не так, как поставила бы она сама...

В затылке вдруг стало очень холодно, и протянутая рука, казалось, покрылась тонкой коркой льда. Вот стоит такая снежная баба, ткни ее посильнее – и она рассыплется на мелкие ледяные осколки. На радость чужаку, проникшему в ее дом.

От мысли, что, возможно, в доме она не одна, холод сменился жаром, сердце испуганно заухало в груди, разгоняя застывшую кровь. В ящике стола Арина нашарила нож, обеими руками сжала рукоять.

– Кто здесь? – Голос вдруг сделался слабым. Не голос, а комариный писк.

Ей никто не ответил. Да и разве стал бы отвечать! Борясь с желанием убежать, Арина все же обошла дом.

Никого! Ни в комнатах, ни в ванной, ни под кроватью.

Под кроватью лежала ее испачканная кровью одежда. Арина сгребла ее в кучу, сунула в бельевою корзину, на негнущихся ногах подошла к столу, присела на табурет. Ноутбук стоял там же, где она его и оставила. Или не там? С ноутбуком она не была уверена так, как с банкой сахара.

«Может, это Ирка?» – мелькнула и тут же исчезла мысль. У Ирки был ключ от ее дома, теоретически она могла прийти, а на практике у Ирки – дежурство, она не ушла бы с работы. Да и зачем Ирке ее банка с Сантой!

А зачем она еще кому-то? Кому-то, кроме самой Арины...

Арина вернулась на кухню, осмотрела полку. Банка с сахаром, чашка на блюде, жестянка с молотым кофе, пакетик шоколадных конфет, фарфоровые пастушки, оставшиеся от прежней хозяйки, и у самой стены – коробка с квитанциями об оплате коммунальных услуг. Что его могло заинтересовать? Зачем он передвигал вещи? Кто он?!

Серый Волк взял след...

Бежать! Не ждать, когда он придет, клацнет зубами и перекусит ей хребет! Бежать прямо сейчас, пока еще не поздно.

На сборы ушло всего несколько минут. Вещи, документы и деньги – в сумку, сумку – на скутер. Все, прощай, спокойная жизнь!

Во дворе пахло гарью, где-то вдалеке выли пожарные сирены. Или не пожарные, а полицейские. Скутер придется бросить. Но не теперь, чуть позже. А теперь...

Она не могла уехать, не попрощавшись с бабой Глашей и Иркой. За этот год они стали для нее почти семьей. Ирке можно позвонить перед тем, как избавиться от

мобильного, а к бабе Глаше надо заехать прямо сейчас.

За время ее отсутствия почти ничего не изменилось, мертвые птицы по-прежнему лежали во дворе.

– Баба Глаша, – позвала Арина, прикрывая калитку. Она не знала, что скажет, как станет прощаться и оправдываться. Ни на прощание, ни на оправдание у нее не было времени. Серый Волк уже взял след... А ей еще нужно заехать в «Салон», просто жизненно необходимо. Об этом тоже нужно подумать, но не сейчас...

В доме было тихо, немытая сковорода стояла посреди стола – невиданное дело! В затылке снова похолодело и заломило. А у Красной Шапочки была бабушка... Черт бы побрал Сказочника и его сказки!

– Баба Глаша! – заорала Арина во весь голос.

– Я тут... – донеслось едва слышно из-за выцветшей ситцевой занавески. – Аринка, ты чего вернулась?

Баба Глаша лежала на кровати, одетая, в перепачканных грязью галошах. Еще одна невидаль. Лицо ее было серым, а губы синими, сжатыми в тонкую линию.

– Что-то мне нехорошо, – выдохнула она и прикрыла глаза. Левая рука ее легла на грудь, туда, где сердце. – Дышать что-то тяжело. Это из-за дыма...

Арина знала, что дым тут ни при чем, что виной всему слабое бабы-Глашино сердце. Оказывается, совсем слабое.

– Я сейчас! – Она бросилась к комоду, не глядя, сгребла стоящие на нем пузырьки с таблетками, прихватила чашку с водой.

Глаза бабы Глаши по-прежнему были закрыты, и на секунду Арине показалось, что она не дышит, но из плотно сомкнутых губ вырвался протяжный вздох, и от сердца отлегло. Чуть-чуть...

Нитроглицерин – под язык, корвалол – в пластиковый стаканчик. Найти в телефоне Иркин номер, дозвониться, выслушать торопливые инструкции про нитроглицерин, аспирин и подсчет пульса. Исполнить все в точности, наблюдая за безжизненным бабы-Глашиным лицом, ждать «Скорую», которая скоро будет. «Скорая» скоро будет, но как же тянется время! Остановилось оно, что ли?..

Арина металась по комнате, то и дело поглядывая то на часы, то на бабу Глашу, которая, казалось, задремала. Ей хотелось спросить, как оно – отпускает ли, но было страшно спугнуть этот хрупкий покой. Про то, что Волк взял след и нужно срочно бежать, Арина больше не думала. Однажды она уже убежала...

За окном послышался рев мотора, и вязкое, как патока, время наконец ускорило. В комнату ворвалась Ирка, следом задвинулся щупленький паренек с чемоданчиком. Арину оттеснили к столу, к немытой сковороде с остатками яичницы... Девушка не возражала, ей очень хотелось верить, что Ирка, врач первой квалификационной категории, отличница и ударница, знает свое дело. И паренек с чемоданом тоже знает.

За ситцевой занавеской застрекотал кардиограф, заговорили про сорванный ритм и госпитализацию, едко запахло лекарствами. Арина взяла со стола сковородку, отнесла на кухню. Когда туда зашла Ирка, сковородка была выдраена до блеска, а Арина все продолжала тереть ее губкой.

– Все, – сказала подруга, усаживаясь на колченогий табурет.

– Что – все?.. – Губка выпала из рук.

– Купировали приступ. Мерцалка у нее была, пароксизмальная. А ты что подумала? – Ирка посмотрела на нее подозрительно.

– Ничего. – Кухонным полотенцем Арина вытерла мокрый от испарины лоб, потом принялась вытирать сковороду. – Купировали – это же остановили, да?

– Типа того. Ей бы в больницу под наблюдение... – По лицу Ирки было ясно, что в больницу под наблюдение баба Глаша не собирается. – Чтобы хоть прокапали...

– Никаких шансов? – Ирка выглядела усталой, наверное, дежурство выдалось беспокойным.

– Ты же ее знаешь. – Подруга махнула рукой. – «Помирать нужно в родных стенах!» Это еще счастье, что ты к ней заглянула. Это твой скутер во дворе?

– Мой.

– А сумка зачем?

– Хочу отвезти на работу сменную одежду, – соврала она. – Пусть будет, на всякий случай.

– Ясно. – Ирка кивнула, добавила устало: – Ночка выдалась – зашибись! Даже не присели ни разу. С самого вечера по городу мотались, а теперь пожарным – веселье. Ты в курсе, что торфяники горят?

Арина молча кивнула.

– В старую сосну, ну, ту, что на въезде, молния ударила, и как запылало все! Весь лес с той стороны. А потом огонь перекинулся на торфяники. Теперь хрен потушат.

– Почему? – Арина взглянула на наручные часы. И не сбегала, и на работу снова опоздала.

– Потому что у пожарных на ходу только одна машина, две другие сломаны. Месяц пройдет, пока они справятся. Весь город в дыму. – Ирка шмыгнула носом, сказала с досадой: – Вот гадство!

Запиликал мобильный. Звонила Милочка, интересовалась, куда это она подевалась в разгар рабочего дня. Арина ответила, что у нее форс-мажор и она скоро будет, на что Милочка сообщила, что форс-мажор нынче у всех и только она одна за всех пашет и отдувается.

– Это с работы. – Арина виновато посмотрела на Ирку. – Мне пора.

– Езжай, – разрешила та. – Я сейчас в аптеку смотаюсь, поставлю бабе Глаше капельницу.

– А отдохнуть с дежурства? – Арина чувствовала себя предательницей.

– Здесь на диванчике перекантуюсь, мне не впервой. – Ирка зевнула и тут же спросила: – Что на улице делается, видела?

– Ты про птиц?

– Ага. Просто знамение какое-то.

– Знамение чего?

– А ничего хорошего. Помирает он, – сказала Ирка шепотом и зачем-то выглянула в окно.

– И ты знаешь? – Арина не удивилась, на удивление не осталось сил.

– А что тут знать-то?! Весь город только об этом и говорит. А ты еще ходила к нему... такому.

– Какому – такому?

– Умирающему.

– И что?

– И ничего! Дымить теперь будет, пока он не умрет. Мне так Васильевна, санитарка наша, рассказывала. А не помрет, пока колдовство свое кому-нибудь не передаст.

– Кому?

– Так вот в том-то и дело, что некому! Нет дураков с ним связываться.

– И что же теперь? Он так и будет... мучиться?

– Васильевна сказала, надо будет крышу в его доме разбирать.

– Зачем?

– Чтобы сам меньше мучился и людей не мучил. Но крыша – это крайняя мера. Кто ж ее станет разбирать!

– Может, кровельщики? – Этим снулым дымно-туманным утром Арине хотелось, чтобы никто не мучился. Даже ведьмак, ведьмин сын.

– Если только заезжие. Наши точно побоятся, – сказала Ирка.

– Почему?

– А вдруг оно заразное, ведьмовство его? Вдруг приклеится? – Ирка, человек с высшим медицинским образованием, говорила такие вот глупости с совершенно серьезным видом.

– Это же не ветрянка! – Арина снова взглянула на часы. – Чтобы приклеиться.

– А кому охота проверять? – Подруга пожала плечами. – Опаздываешь? Так иди уже! Вахту принимаю. К бабе Глаше не ходи, она спит. И мне до обеда не звони, я тоже попробую поспать. Увидимся вечером.

– Ир? – Арина была уже в дверях.

– Что?

– Ты ко мне вчера не заходила? – Она должна была спросить.

– Вчера? – удивилась Ирка. – Я ж говорю, дежурство – жуть! Да и зачем мне? А ты чего спросила? – крикнула она уже вдогонку, но Арина сделала вид, что не услышала.

* * *

В кафе было непривычно тихо и малоллюдно – никакого обещанного Милочкой разгара рабочего дня не наблюдалось. Наверное, дым, который укутывал город, разогнал завсегдатаев. В зале был только один посетитель, лопухий парнишка в бейсболке набекрень таращился в монитор компьютера. Парнишку звали Максом, он был влюблен в компьютеры и, кажется, немного в Арину. За стойкой скучала Милочка, а со стороны выставочного зала поочередно доносился то стук молотка, то визг дрели.

– Вынос мозга! – сообщила Милочка, стоило только Арине переступить порог. – Все сверлят и сверлят. Сил нету! А еще дым – дышать нечем!

В зале работал кондиционер, так что дышать было чем. Арина прикрыла за собой дверь, и звук дрели стал чуть менее раздражающим.

– Тихо? – спросила она, обведя взглядом зал.

– Ну, как тихо! – Милочка поморщилась. – Народу нет пока, и жизни от этих, – она кивнула на дверь, – тоже нет.

– Завтра открытие выставки и презентация. – Арина прошла к стойке, на ходу стащила с Макса бейсболку, положила на пустующий стул. Парнишка, кажется, этого даже не заметил.

– Да кому нужна эта презентация, когда вокруг творится такое! – сказала Милочка громким шепотом. – Сначала туман, теперь вот дым...

– И еще птицы! – сообщил Макс, яростно щелкая «мышкой».

– А что не так с птицами? – Милочка приподняла тонко выщипанные брови.

– Весь Нижний Лог засыпан мертвыми птицами. – Макс перестал щелкать «мышкой», посмотрел на них со снисходительным превосходством. – В Инете пишут, что от грозы, молниями поубивало. Я и сам, пока сюда добирался, двух ворон видел, – добавил с непонятной гордостью.

– Правда, что ли? – Милочка посмотрела на Арину, та кивнула в ответ. – Все, капец! Конец света, птичий грипп! – Милочка бросилась к мойке, с мылом вымыла руки, снова посмотрела на Арину: – У тебя есть аспирин?

У нее не было с собой аспирина. Вместо аспирина у нее была куча проблем и вышедший на охоту Волк. Ей бы бежать куда глаза глядят: и от птичьего гриппа, и от Серого Волка, и от Евгении с ее недвусмысленными пожеланиями. А вместо этого она теряет драгоценное время на разговоры с Милочкой о грядущем конце света и твердо знает, что никуда не убежит. По крайней мере, до тех пор, пока бабе Глаше не полегчает. Если вообще полегчает...

Этим утром Арина испугалась почти так же сильно, как тем вечером, когда сжимала в руках вымаранный в крови кухонный нож. Сейчас у нее тоже был нож, только маленький, не обгаренный чужой кровью. Для самозащиты, если Серому Волку вдруг вздумается напасть на нее. И бабушка заболела, пусть даже и не родная. Как же сбежать?..

Было и еще кое-что, что удерживало Арину в Дымном Логе, – вещь, без которой побег терял смысл, которую она сама, своими собственными руками, спрятала так надежно, что попробуй теперь забери. Из-за нее, из-за этой вещи, все началось, тянется до сих пор и обещает длиться вечно. Если только Арина не решится избавиться от нее.

В затылке снова заломило. Электродрель в соседнем зале и в самом деле работала слишком громко. Арина обошла стойку, включила кофемашину.

Нет, никогда она от этой вещи не избавится, потому что, как это ни парадоксально, никаких других гарантий у Арины нет, а за то, что есть, нужно держаться обеими руками, даже если руки эти испачканы чужой кровью. Особенно если испачканы...

Загудела кофемашина, заглушая визг электродрели, по залу поплыл аромат свежего кофе. Можно закрыть глаза и представить, что все хорошо, что прошлое чисто, а будущее безмятежно. И нет никаких волков. Хоть на минуточку...

– А торфяники будут теперь до самой осени гореть! – нарушил ее мнимый покой Макс. – И на болото теперь хрен сунешься.

– Зачем на него соваться? – спросила Милочка и поморщилась. – Дома сиди, книжки читай или вот тут в компьютере. Нечего по болотам шастать!

– Так ведь клево там! Драйвово! – Макс оторвался от монитора, сказал чуть расстроено: – А болотную сторожку так никто и не нашел. Этим летом снова собирались искать, а тут такая засада!

– Какую сторожку? – Арина перевела недоуменный взгляд с Макса на Милочку.

– А! – Та раздраженно махнула рукой. – Ерунда все это!

– И ничего не ерунда! – возмутился Макс. – В прошлом году Димыч Следопыт ее видел и даже фотки в Инет выложил. Я вам сейчас покажу! – Он снова защелкал «мышкой».

– Так что за сторожка? – Арина налила себе кофе, прихватила с тарелки круассан, подошла к парнишке.

– Да Сказочника сторожка, – пояснила наконец Милочка. – Говорят, на болоте есть у него домик. Сколько живу, столько эту байку слышу. Пацаны из моего класса тоже ее искали. Это такой местный квест.

– Вот! – Макс в последний раз щелкнул «мышкой», и на экране появилась фотография покосившейся, поросшей мхом избушки с маленьким окошком и прохудившейся крышей. Избушка пряталась за кустами и производила удручающее впечатление.

– Что это? – спросила Арина.

– Болотная сторожка! Видишь, какая дата?

Арина посмотрела, но все равно ничего не поняла.

– Это блог Следопыта и его последний пост. – Веснушчатое лицо Макса помрачнело.

– Почему?

– Потому что погиб он прошлым летом, – сказала Милочка. – На мотоцикле слетел в Ведьмин овраг.

– Это потому, что он нашел сторожку Сказочника. – Макс снова надел бейсболку, и снова набекрень. – Потому что она заговоренная, а он сунулся. Вот и того... слетел.

– Так это, значит, опасно? – Арина поверх его плеча посмотрела на фотографию.

– Еще как!

– А зачем искать, если она такая... заговоренная?

– Затем, что он там золото спрятал.

– Кто?

– Да Сказочник! Что тут непонятного?! Знаешь, сколько ему за работу платят?

– Понятия не имею. – Арина вспомнила аскетичное убранство комнаты Сказочника, вспомнила батарею склянок за пыльным стеклом. Богатством там и не пахло.

– Много платят, – сказал Макс убежденно. – Потому что он самый сильный, может, даже сильнее тех, которых по ящику показывают. А те, что из ящика, все сплошь миллионеры. Вот и он такой, только ему деньги без надобности, он их на болоте прячет, в сторожке своей. Кто найдет, тот сразу станет миллионером.

– Следопыт ваш нашел... – сказала Арина и отошла от компьютера.

– Ему просто не повезло! – Макс говорил с той уверенностью, которая свойственна только очень юным. – И вообще... – он помолчал, – Сказочник скоро умрет. Он умрет, и заклятье его исчезнет. Вот тогда золото и надо брать!

– Торфяники горят, – напомнила Милочка, – там сейчас всюду огненные ловушки. Хочешь в такую угодить?

– Это проблема. – Макс поскреб тронутый юношеским пушком подбородок. – Но я что-нибудь придумаю, обещаю! – Он посмотрел на Арину так, как посмотрел бы не шестнадцатилетний мальчишка, а взрослый мужчина.

– Не нужно ничего придумывать! – сказала она излишне резко.

– Вот именно! – поддержала ее Милочка. – Я батю твоему как расскажу, что сынок его в сталкеры подался, мало тебе не покажется.

Наверное, угроза возымела действие или Макс выяснил в Интернете все, что хотел, потому что он многозначительно хмыкнул, подхватил бейсболку, надел ее козырьком вперед и начал собираться.

– Нет там никакой сторожки, – сказала Милочка убежденно.

– Почему это? – Он обернулся, посмотрел на нее чуть презрительно.

– Потому что если бы была, ее бы давно нашли. Хоть заговоренную, хоть какую. Вертолеты же над болотом летают, а сверху все видно.

– А снимок? – Парнишка кивнул на монитор.

– Да ерунда! Я тебе таких фоток в Интернете сколько хочешь найду. Придумают же... – Милочка бросила быстрый взгляд на Арину, призывая ее в свидетельницы.

Арина поставила чашку с кофе на стойку, глянула еще раз на фото и кивнула.

– Если торфяники горят, значит, и сторожка ваша тоже сгорит, – добавила она многозначительно. Ей не хотелось, чтобы Макс или любой другой парнишка из Дымного Лога искал мифический клад на болоте.

– Это мы еще посмотрим, сгорит или нет! – Макс направился к выходу, едва не столкнувшись в дверях с посетителем.

– Наслушаются всяких сказок и ищут приключения на свою задницу, – сказала Милочка, ни к кому конкретно не обращаясь, и всем корпусом повернулась к

вошедшему.

Интерес на ее лице тут же сменился вежливым равнодушием, из чего Арина сделала вывод, что клиент не представляет собой ничего особенного. По крайней мере, в Милочкином понимании. Сама она не стала даже оборачиваться, откусила от круассана, запила кофе.

– Доброе утро! – Голос у посетителя был густой и красивый. Таким бы голосом озвучивать голливудские фильмы, боевики там, триллеры.

Арина все-таки не удержалась, скосила глаза.

Милочка оказалась права: ничего особенного, взгляду даже зацепиться не за что, такое все серое. Серая ветровка, серо-голубые джинсы, короткий ежик серых, то ли пепельных, то ли с проседью, волос, серые глаза на загорелом лице. И лицо никакое, не запоминающееся из-за всей этой серости. Даже возраст не пойми какой: может, тридцать, а может, и все пятьдесят. Рост высокий, но не так чтобы очень, выше среднего. Только рост выше среднего, а все остальное среднее, серое и невыразительное. Кстати, мужчину этого она уже видела раньше, вчера, когда несла перекус рабочим. Их прораб, кажется.

– Доброе. – Милочка вернулась за стойку, машинально поправила на пышной груди бейдж с именем. – Что желаете?

– У вас можно позавтракать? – осведомился прораб. – Что-нибудь типа яичницы. – Он с сомнением обвел взглядом стеллажи с книгами и стойку со свежей прессой. Наверное, решал, туда ли вообще попал. Сразу видно, не местный.

– Яичница с беконом и салат из свежих овощей. – Милочка обмахнулась папкой с меню.

– Отлично. – В голливудском голосе прораба Арине послышалось облегчение. Он осторожно, чуть сутулясь, протиснулся за столик у окна. – И, девушка, пожалуйста, еще три порции на вынос. Если можно.

– То есть куда это – на вынос? – Милочка нахмурилась.

– В соседнее помещение. Мои ребята там сейчас работают. Ночью из-за грозы в гостинице отключилось электричество, утром они даже чаю выпить не смогли, – добавил прораб извиняющимся тоном.

– Ясно. – Милочка кивнула. – Ждите заказ!

Она еще раз обмахнулась папкой с меню и скрылась за дверью, отделяющей зал от кухни.

Арина допила остывший кофе, ополоснула чашку, направилась к алтарному столику, уселась в кресло, раскрыла «книгу жалоб» и так же, как совсем недавно Милочка, нахмурилась. В «книге жалоб» появилась новая запись. Торопливым, явно измененным почерком на дорогой мелованной бумаге было выведено: «Книги – фуфло! Авторша – бездарность!» На более развернутую рецензию анонимному «доброжелателю», наверное, не хватило времени. Но охота пуще неволи, и с порывом души ничего не поделаешь. Ради такого можно и рискнуть. Арина усмехнулась. С негативными отзывами на книги Евгении всегда так: коротко, торопливо, зло. Она покосилась на прораба. Тот смотрел в окно, лицо его ровным счетом ничего не выражало. Бывают же такие лица! Как маска, честное слово.

Вырвать лист незаметно все равно не получилось. В библиотечной тишине кафе плотная бумага рвалась с громким треском. Арина бросила еще один взгляд на прораба. Тот по-прежнему смотрел в окно. Она сложила вырванный лист, сунула в карман брюк, еще раз пролистала «жалобную книгу», но больше ничего подозрительного не заметила. Осталось дожидаться букета от «тайного поклонника».

Словно в ответ на ее мысли распахнулась входная дверь, и на пороге кафе возник немыслимый красавец с букетом белых роз в руке. Вот кому бы идеально подошел голливудский голос прораба, вот кому бы играть в фильмах про «нашу жизнь»! Высокий, широкоплечий, в голубых джинсах и сером пиджаке, с копной пшеничных волос, с загаром особенного, какого-то нездешнего оттенка. Вот кому шел серый! Впрочем, такому пойдет любой цвет. К серому пиджаку прилагался сдержанный парфюм и широкая, чуть растерянная улыбка. На курьера посетитель никак не походил, но в руке у него был букет...

– Здравствуйте! – сказал красавец громко, и Арина с легким сожалением констатировала, что голос его до голливудского не дотягивает. Впрочем, только голос, все остальное было идеальным. Даже слишком, на ее неискушенный вкус.

Ответить она не успела, потому что за стойкой послышалась какая-то возня. Это вернувшаяся из кухни Милочка едва не уронила поднос с яичницей для прораба и его бригады.

– Ой, – сказала Милочка и кое-как пристроила поднос на край стойки.

– Доброе утро! – вежливо поздоровался красавец. – Девушки, а у вас есть ваза? – Он перевел взгляд с Милочки на Арину, а потом словно бы с легким недоумением посмотрел на букет в своих руках.

– У нас все есть! – Позабыв про яичницу для прораба, Милочка будто в трансе выбралась из-за стойки. – А зачем?

Арина посмотрела на вазу с вчерашними цветами от «тайного поклонника».

– Дай мне... – одними губами прошептала Милочка и многозначительно приподняла брови. – Мне дай. – Во взгляде ее зажегся шальной огонек, а грудь четвертого размера заходила ходуном.

Арина протянула ей хрустальную вазу, предварительно достав из нее старые цветы.

– Вот! – Милочка держала вазу в вытянутых руках и смотрела с вождением. Наверное, натренировалась в спортбаре. – Вот ваза! – Она сказала это так, что всем присутствующим сразу стало ясно, что к хрустальной вазе прилагается и она сама.

– Спасибо, – улыбнулся красавец и с облегчением сунул в вазу букет. Несколько капель воды попало Милочке на блузку, но девушка этого даже не заметила.

Прораб перестал пялиться в окно и теперь с ленивым интересом наблюдал за Милочкой.

– Вам спасибо. – Она продолжала улыбаться и смотреть с вожделением. Арина вздохнула, раздумывая, стоит ли вмешаться или при свидетелях красавцу ничего не угрожает. – Это от кого? – Милочка прижала вазу с цветами к груди.

– Это от меня... Евгении... Евгении Станиславовне.

Вот так, всего лишь одна вежливая фраза разрушила волшебство и наметившиеся было романтические отношения между заезжим принцем и провинциальной Золушкой – официанткой. Принц приехал не к Золушке, а к злой мачехе. Прискакал на белом коне с букетом роз наперевес.

– Ясно. – Милочка бухнула вазу с цветами на алтарный столик, но потом, наверное решив, что не все потеряно и у Золушки еще есть шансы, спросила: – А вас как зовут?

– Ник, Николас Злотников, – отрекомендовался красавец и, словно в одночасье потеряв опору, плюхнулся за столик. По-мальчишески плюхнулся, совсем не по-рыцарски. – Я из Москвы, приехал обсудить с Евгенией Станиславовной возможность экранизации ее книг.

От его слов снова повеяло Голливудом. Экранизация! Вот, значит, о ком говорила Евгения. Как же все быстро!

– Такая погода... – Он посмотрел в окно. – Это что-то! Ваш город – просто какая-то аномальная зона. Все в дыму, и мертвые птицы на земле. Хоть сейчас снимай триллер. Вот прямо здесь. – Он обвел кафе пристальным взглядом, будто прикидывая, где разместить актеров и куда пристроить оператора.

– Прямо здесь?! – На Милочкиных щеках зажегся румянец. – А знаете... Николас, это ведь и в самом деле отличная идея! Евгения Станиславовна пишет о нашем городе. Тут все такое колоритное. – Она, словно невзначай, огладила кружево на груди четвертого размера. – И вы можете подобрать актеров...

Все ясно, планы претерпели коррективы. Теперь Милочка видела себя не только Золушкой, но и возможной претенденткой на главную роль будущего кинематографического шедевра.

Арина передвинула вазу с розами в центр столика, потянулась за салфеткой для полировки стеклянной ножки. От Милочки сейчас, похоже, мало толку.

– Эй... – За столиком у окна послышалось деликатное покашливание, таким образом прораб намекал на свою яичницу. – Девушка, можно мне?..

Арина забрала со стойки поднос, выставила перед прорабом его заказ.

– И моим парням, – напомнил он.

Вблизи его волосы оказались не серыми, а серо-пепельными. «Как волчья шерсть...» – подумалось некстати, и Арина вздрогнула.

– Все в порядке? – Прораб смотрел на нее внимательными серыми глазами, тербил ворот черной футболки, как будто она ему жала, а ветровку свою так и не снял. Видимо, не обучен манерам.

– В полном. – Арина нашла в себе силы улыбнуться. – Три порции яичницы с беконом, свежий салат и... – Она вопросительно приподняла брови, точно так же, как недавно Милочка.

– И двойной кофе с этими вашими пирожками.

– С какими пирожками?

– С теми, которые вы сами только что ели.

– Это не пирожки, это круассаны.

– Мне без разницы. По четыре штуки на брата, пожалуйста. Девушка... – прораб легонько хлопнул по столу. Ладонь была широкая, с длинными пальцами. Интересно, чем занимаются прорабы?

– Я вас слушаю. – Арина продолжала улыбаться.

– Значит, по четыре пирожка на брата. – Он упрямо продолжал называть круассаны пирожками. – Мне двойной кофе без сахара, а моим парням сладкий чай. Только черный, зеленый они не пьют. Вы меня поняли, девушка?

– Меня зовут Арина, и я вас отлично поняла. Вам двойной кофе без сахара, а вашим парням – сладкий черный чай.

Прораб кивнул, и снова отвернулся к окну.

Рабочий день начался. Жизнь была ключом. Милочка готовилась к главной роли, а сама Арина понятия не имела, как жить дальше. Для начала нужно установить новый замок, попросить кого-нибудь из парней прораба. Вчера, когда она угощала их бутербродами, они показались ей нормальными ребятами. Решено, в обеденный перерыв купит новый замок и договорится с кем-нибудь из рабочих. И спать она теперь будет вполглаза. Или вообще не будет спать. По крайней мере до тех пор, пока не решит, как жить дальше...

* * *

А в десять утра жизнь сделалась еще более занимательной. Приехала Евгения. Загадочная, вся в черном, в шляпке с вуалью, дыша духами у туманами... Или нет, туманы нынче уже не актуальны, нынче в фаворе дым от горящих торфяников. Тот самый, который превращает мир за окном в выцветшую черно-белую фотографию. Евгения привычно замерла в дверях, осматривая свои владения, задержала взгляд на алтарном столике и вазе с цветами, кивнула Арине и Милочке. А потом навстречу ей шагнул Ник Злотников. Он улыбался чуть смущенно, наверное, робел в присутствии звезды российского детектива, но выглядел по-прежнему весьма эффектно. Он казался бы еще эффектнее, если бы держал в руках розы, но розы стояли в вазе на алтарном столике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-korsakova/ne-budi-ved-mu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)